

Анит Кейр

КАТАРСИС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анит Кейр Катарсис

Серия «Терапия Хаосом», книга 2

<https://litres.ru/73935374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ангедония была защитой. Когда она ушла - началась настоящая битва.

Это история девушки, которая всю жизнь искала безопасность. И каждый раз оказывалось, что безопасность - это всего лишь ловушка.

Кая Смит - хрупкая блондинка с разноцветными глазами и руками, которые умеют убивать. Она думала, что оставила прошлое позади. Но однажды в её жизни появляются двое мужчин, и вся прежняя жизнь летит под откос.

Что случилось с Сильваном Ричардсоном? И кто такой загадочный Дарелл Грейвс - мужчина, который знает о ней слишком много? Верить ему? Бояться его? Или он - единственный, кто может её спасти?

Когда-то она была Каталеей Динарди - наследницей могущественного преступного Синдиката. Она сбежала от своего прошлого, от своей семьи, от монстра, который считает её своей собственностью.

Но прошлое не умирает. Оно всегда знало, где её найти.
И теперь пришло за ней.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
Глава 1	18
Глава 2	28
Глава 3	36
Глава 4	45
Глава 5	52
Глава 6	65
Глава 7	75
Глава 8	92
Глава 9	108
Глава 10	126
Глава 11	135
Глава 12	140
Глава 13	145
Глава 14	153
Глава 15	166
Глава 16	177
Глава 17	194
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Катарсис

Предисловие

Посвящается тем, кого разбили, но не уничтожили.

Кому хватило смелости уйти — пусть покалеченными,

но не сломленными.

Тем, кто собрал себя обратно и научился жить с этим узором.

Вы прекрасны.

Но, моя дорогая,
Ты с дьяволом самим на «ты».
Тебе ли пламени бояться?

— Иоганн Вольфганг Гёте
«Фауст»

Пролог

Колумбия.

15 лет назад.

Горячий ветер гнал раскаленные песчинки по огороженной высоким забором частной земле, приятно обжигал кожу до выступающего пота и развеивал длинные волнистые волосы цвета молодой пшеницы.

Девочка сидела на раскалённой плитке патио, очищая апельсин. Нож был слишком большим для её маленьких рук, но она уже умела с ним обращаться. Кожура спадала длинной, непрерывной лентой, а глаза цвета мха заворуженно ловили отблески лезвия. В воздухе пахло горечью и солнцем.

— Mariposa, — раздался голос за спиной.

Каталя обернулась. Дедушка стоял на пороге, и даже здесь, в домашней рубашке, с чашкой кофе в руке, он казался скалой, о которую разбиваются волны.

Алехандро Динарди.

Он был высоким и стройным, не как его мускулистые охранники. Но когда он входил в комнату, замолкали даже цикады. У него был тихий голос и глаза человека, который видел, как горит земля. Сегодня в них полыхал какой-то странный огонь.

— Иди сюда, — позвал он.

Она подошла, держа в руках очищенный апельсин. Дедушка присел перед ней на корточки, оказавшись с ней на одном уровне. В доме было тихо. Слишком тихо для субботнего утра.

— Что случилось, дедушка? — спросила Катаlea, чувствуя напряжение кожeй.

— Сегодня я покажу тебе, почему люди, которые нас не знают, боятся произносить нашу фамилию, — тихо сказал он. — Пойдём. У нас гости.

Дедушка взял её за руку и повёл в большой зал. Она почувствовала, как его пальцы чуть сильнее сжали её ладошку. В этом жесте было предвкушение и нетерпение безумца.

На полу, выложенном дорогой мозаикой, в круглом зале стояли на коленях трое мужчин. Руки связаны за спиной, одежда испачкана, рты заткнуты кляпами. Вдоль стен застыли люди дедушки — *лос омбрес де сомбра*, люди тени. Они не смотрели на пленников, они смотрели на Алехандро. Ждали.

Каталее стало страшно. Ей было всего восемь, но она знала, что это такое. Однако дедушка учил её никогда не показывать страх. Никогда.

— Эти люди, — Алехандро указал на трясущегося мужчину слева, — работали на нас десять лет. В прошлом месяце в Медельине пропал груз. Наши люди погибли. Этот, — он ткнул носком ботинка в первого, от чего мужчина забился в истерике, — продал информацию лос хентес. Людям из

северного картеля.

Дедушка плюнул на пол и перевёл взгляд на двух других.

— А эти... эти знали. Знали и молчали. Смотрели, как наши люди умирают, и думали, что если спрячут голову в песок, то их не тронут.

Он подошёл к первому. Тот что-то мычал под кляпом, слёзы текли по его лицу, смешиваясь с потом и грязью.

— Все думают, что мы — просто бандиты, — продолжил дедушка, не повышая голоса. — Думают, что мы убиваем из жадности. — Он усмехнулся, и в этой усмешке Каталя впервые увидела что-то пугающее. Не решимость, а безумие. Тихое, ласковое безумие человека, который слишком долго играл в бога.

Алехандро снял с пояса небольшой нож, которым Каталя видела, как он режет мясо к обеду. Провёл пальцем по лезвию, любясь отблеском света.

— Мы не начинаем войны, мы их заканчиваем. — Он взглянул на внуку. Его глаза оставались тёплыми, но в глубине плескалось что-то тёмное, голодное. — И наши люди знают: предать нас — значит не просто умереть. Мы уничтожим всё, что им дорого.

Он сделал шаг к первому пленнику.

— Дедушка, — пискнула Каталя.

Он остановился. Обернулся. Медленно, как змея, почуявшая добычу.

— Ты хочешь, чтобы я остановился, Mariposa?

Она посмотрела на трясущегося мужчину. Такого жалкого, такого раздавленного. Потом перевела взгляд на второго. Тот смотрел в пол, прерывисто дыша, губы шевелились в беззвучной молитве. Третий же... Третий смотрел на Алехандро с ненавистью. В его глазах было обещание: если он выживет, он будет мстить. Будет резать их ночью, жечь их дома, убивать их детей.

И Каталея вдруг поняла: иногда настоящий страх рождает не тот, кто кричит, а тот, кто молчит и ждёт своего часа.

Затылок и шея покрылись мурашками. Странное чувство пробралось в грудь, будто кто-то вцепился когтями в грудную клетку изнутри. Это был не страх. Это было... желание.

Она хотела увидеть, как погаснет ненависть в глазах третьего.

— Нет, — твёрдо сказала девочка, и её голос прозвучал в тишине зала как удар хлыста. — Ты прав. Они должны заплатить.

Алехандро улыбнулся той редкой, настоящей улыбкой, которую видели только свои. Но сейчас в этой улыбке было что-то хищное и гордое.

— Запомни этот день, Каталея. Нас боятся потому, что мы не прощаем. Потому что мы жестоки в своей мести. Потому что Динарди — это суд, бог и дьявол в одном лице.

Алехандро подошёл к первому пленнику. Тот попытался встать с колен и побежать, но один из людей дедушки молниеносно схватил его и пригвоздил к месту железной хват-

кой. Предатель забился так, что, казалось, кости хрустнут.

— Ты продал нас за деньги, — ласково сказал Алехандро. — За тридцать сребреников, да? — Он рассмеялся, и смех эхом разнёсся по залу. — Я не Иуда, *hijo de puta*. Я хуже.

Алехандро выдернул кляп изо рта мужчины, и тот закричал. Закричал так, что у Каталеи заложило уши, но она не отвела взгляда.

— Пожалуйста, пожалуйста, шеф, у меня семья, дети, жена...

— Знаю, — кивнул дедушка. — Красивая жена. Я видел её на прошлой неделе на рынке. Она покупала фрукты. Дочка твоя, маленькая Паула, просила сладости.

Мужчина замер. В его глазах появилось такое, что Каталея потом видела только у приговорённых к смерти — абсолютный, всепоглощающий ужас.

— Не трогай их, прошу шеф, не трогай...

— А я и не трону, — Алехандро наклонил голову, и в этом движении было столько фальшивого недоумения, что даже его люди переглянулись. — Зачем мне их трогать? Пусть живут. Пусть каждый день просыпаются и вспоминают, какой кусок дерьма был их муж и отец. Пусть соседи показывают на них пальцами. Пусть живут с позором до конца своих дней. Это страшнее смерти, *mi amigo*. Смерть — это милосердие.

Он провёл ножом по щеке мужчины, не разрезая, просто дразня.

— А тебе я подарю милосердие. Смотри.

То, что произошло дальше, Катаlea запомнила на всю жизнь. Дедушка работал медленно. Очень медленно. Он словно наслаждался каждым мгновением, каждым звуком.

Первый крик был громким. Второй — тише. Спустя десять минут мужчина уже не кричал, а хрипел, булькал, захлёбывался собственной кровью. Алехандро не спешил. Он резал, отсекал, кромсал с выражением глубочайшей сосредоточенности на лице, как скульптор, работающий над шедевром.

— Смотри, Mariposa, — позвал он, не оборачиваясь. — Смотри, как уходит жизнь. Сначала страх, потом ненависть и боль, потом пустота. Видишь?

Катаlea смотрела. Внутри неё что-то мурлыкало, потягивалось, просыпалось. То непонятное *нечтос* когтями, что вцепилось в грудь, теперь довольно урчало, наблюдая за кормёжкой.

Когда с первым было покончено, Алехандро выпрямился. Весь в крови, с безумным блеском в глазах, он повернулся ко второму пленнику, что дрожал от увиденного ужаса.

— Ты знал и молчал. — Он вытер лоб тыльной стороной ладони, размазывая кровь по лицу. — Ты не предавал, но ты позволил предательству случиться. Что мне делать с тобой?

Второй мужчина мычал в кляп, трясаясь так, что, казалось, его вывернет наизнанку.

Алехандро выдернул кляп.

— Говори.

— Я... я боялся, шеф... у меня мать, она старая, она живёт в Медельине, они сказали, что убьют её, если я скажу...

— А-а-а, — протянул дедушка. — За мать боялся. Похвально.

Он задумался, постукивая ножом по бедру. Кровь с лезвия брызгала на светлые брюки, оставляя тёмные пятна.

— Значит, так. Ты пойдёшь к лос хентес. Прямо сейчас. Ты скажешь им, что Алехандро Динарди передаёт привет. И что скоро он придёт лично.

Мужчина смотрел на него, не веря своему счастью.

— Ты отпускаешь меня?

— Отпускаю. Но запомни, *sabrón*: если ты не пойдёшь, если сбежишь, если спрячешься — я найду твою мать. И привезу её сюда. Мы все посмотрим, как она будет умирать. Договорились?

Мужчина закивал, размазывая слёзы.

— Пошёл вон.

Лос омбрес разрезали веревки, связывающие мужчину, открыли дверь, и второй пленник вылетел пулей.

Алехандро повернулся к третьему. Тот смотрел на него спокойно. Даже когда дед приблизился, даже когда нож упёрся ему в горло, он не дрогнул и не отвел взгляд.

— А ты, — тихо сказал Алехандро. — Ты не боишься.

— Боюсь, — ответил третий, когда кляп вынули. Голос был ровным. — Но страх не заставит меня ползать на коленях перед безумцем.

Дедушка замер. А потом расхохотался. Искренне, весело, как над хорошей шуткой.

— Безумец! Ты слышала, *mariposa*? Он назвал меня безумцем!

Каталей смотрела на третьего и чувствовала странное уважение. Этот не просил пощады. Этот принимал смерть достойно.

— За это, — сказал Алехандро, вытирая слёзы смеха, — я подарю тебе быструю смерть. Рассмешил старика.

Алехандро полоснул ножом по горлу так быстро, что Каталей даже не успела моргнуть. Кровь хлынула фонтаном, заливая мозаику, обувь деда, подол её собственного платья.

Третий упал лицом вниз и затих.

Дедушка стоял над ним, тяжело дыша. Глаза его горели безумным огнём, руки дрожали от выброса адреналина. Он выглядел... счастливым.

Через минуту он моргнул, и безумие ушло. Осталась только усталость и та тёплая доброта, которую Каталей знала с младенчества.

Он аккуратно вытер руки белоснежным платком, потом убрал в карман.

— Унесите, — бросил он подчиненным.

Когда всё закончилось и тела унесли, Алехандро подошёл к Каталее, присел перед ней на корточки. От него пахло железом и потом.

— Ты знаешь, почему ты носишь мою фамилию, а не фа-

милию своего отца?

Она кивнула.

Каталея не помнила своего папу. Когда её мама после очередного бунта против отца-Алехандро вернулась домой с младенцем в руках, она не назвала отца ребёнка. Это было и неважно. Все дети с кровью Динарди обязаны носить эту фамилию, потому что «нет крови сильнее на свете». Её мама была не согласна с дедом. И не только в этом.

— Твоя мать думает, что я — чудовище, — сказал Алехандро, будто читая её мысли. — Может, она и права. Но чудовища нужны, Каталея. Кто-то должен держать ствол, чтобы другие могли спать спокойно. Оба континента боятся нас, потому что мы — единственные, кто не подчиняется их правилам. Мы — государство внутри государства. Мы — закон там, где их закон бессилён.

Он взял её лицо в свои ладони. Руки у него были тёплыми и липкими от чужой крови.

— Когда-нибудь ты займёшь моё место, Mariposa. Ты будешь сильной, как я, и установишь свои правила, которым все будут подчиняться. А Феликс... — он запнулся, и в глазах мелькнуло что-то тёмное, — Феликс поможет тебе. Но запомни. Никогда не убивай со страхом. Только с огнём внутри, который не греет, а выжигает. Иначе ты не заслуживаешь быть Динарди.

Дедушка поцеловал её в лоб и ушёл, оставив после себя запах смерти и крепкого кофе.

Каталей осталась стоять посреди зала, который уже начали мыть, но запах металла всё ещё витал в воздухе и въедался в волосы, в одежду, в кожу, в память.

Она посмотрела на апельсин в своей руке. Весь этот час, пока длилась казнь, она сжимала его, даже не замечая. Фрукт покраснел от крови, брызнувшей с тел предателей.

Девочка медленно, кусочек за кусочком, съела апельсин. Сладкий сок смешивался с горьким привкусом железа на губах. Она жевала и чувствовала, как *нечто* внутри довольно облизывается.

С того дня она больше никогда не ела апельсины.
Но вкус крови запомнила навсегда.

Глава 1

**Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь?
Если нас пощекотать – разве мы не смеемся?
Если нас отравить – разве мы не умираем?
А если нас обидают – разве мы не должны мстить?
— Уильям Шекспир**

Сейчас.

Где-то в безопасном доме.

Беспощадное июльское солнце выжигает асфальт на Манхэттене и прогоняет разумных жителей подальше от города. Куда-нибудь к океану — в Хэмптонс, на Файр-Айленд. Или вовсе на лазурные берега в Европу, на Карибы, куда угодно, лишь бы подальше от этой раскалённой печи.

В Нью-Йорке слишком жарко. Слишком пыльно. Слишком душно.

И просто *слишком*.

Слишком много всего навалилось. Друзья предали. Бывший босс подставил. Единственный человек, которому мне казалось, я могу доверять, — Сильван — пропал. Растворился. Оставил после себя только лужи крови на полу и вопро-

сы без ответов. Дарелл... Дарелл вообще отдельная история. Телохранитель, который казался чем-то большим, но так и не стал моим.

Я закрываю глаза и тру виски кончиками пальцев. Мысли путаются, натыкаются друг на друга, как пьяные в ночном метро.

Таунхаус, который я сняла, прячется в тени старых дубов и клёнов. Район Катскильских гор — идеальное место, чтобы залечь на дно. Два часа на машине от города, ни одного любопытного соседа поблизости, только пара таких же летних домов в отдалении, и те пустуют в будние дни. Городские приезжают только на выходные, чтобы поплавать в озере, подышать воздухом и почувствовать себя живыми.

Я приехала сюда не чувствовать себя живой. Я приехала выжить.

На деньги, которые удалось получить в банке со счёта Динарди, я сняла этот дом наличными на три месяца вперёд. Без документов, через подставное лицо. Хозяйка — пожилая итальянка, которая живёт в соседнем посёлке круглый год — только пожала плечами, когда я попросила не задавать вопросов и сунула лишние пять тысяч баксов. Ей нужны деньги, мне нужна тишина. Честный обмен.

Меньше соседей — меньше любопытных глаз. Меньше любопытных глаз — меньше проблем.

А проблем в скором времени предвидится *до хрена*.

Я сижу на холодном полу в гостиной, прижимая колени к

груди. Спина упирается в стену, единственная опора в этом мире, где всё рухнуло. Плотно задернутые шторы не позволяют безжалостному солнцу проникать в моё убежище. Здесь царит полумрак, прохлада и тишина. Только где-то далеко стрекочут цикады, да ветер шелестит листвой.

Когда я назвала своё настоящее имя в том банковском хранилище, я знала, что запускаю механизм, который нельзя остановить. Словно нажала красную кнопку, которая запустила обратный отсчёт.

Семь лет я пряталась. Чужие имена и чужие жизни, которые я носила как маски. Кая Смит была самой удачной — обычная девушка с обычной работой и необычным хобби.

Но маски падают. Всегда.

Запрокидываю голову, снова закрываю глаза, и впервые за много лет чувствую не пустоту, а животный страх. Тот самый страх, который внушает другим фамилия Динарди.

Иронично, правда?

Те, кого боятся оба американских континента, теперь сами боятся. Боятся, что их найдут. Боятся, что их вернут. Боятся, что придётся смотреть в глаза человеку, которого надеялись больше никогда не встретить.

От мысли о нём внутри всё переворачивается. Чувствую, как желчь подступает к горлу. Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Боль отрезвляет, возвращает в реальность.

Никогда не убивай со страхом. Только с огнем внутри.

Голос бабушки звучит в голове так отчетливо, будто он стоит за спиной. Странно, но именно сейчас, когда я сижу на полу в чужом доме, прячась от всего мира, я чувствую его присутствие сильнее, чем когда-либо.

Прошла уже неделя с моего визита в банк. Неделя с момента, как я раскрыла свою личность. Семь дней я ждала удара, вслушивалась в каждый шорох, вздрагивала от каждого звонка.

Но никто не пришёл.

Никто не выбил дверь посреди ночи. Никто не похитил меня по дороге в магазин. Никто даже не позвонил.

Может, я зря волновалась? Может, я ему больше не нужна? Возможно, он нашёл себе другую игрушку?

Или мне просто повезло?

Усмехаюсь собственному наивному вопросу. Динарди не верят в везение. Динарди верят в расчёт, в терпение и в то, что жертва всегда приходит сама, если достаточно долго ждать.

Но всё же... неделя тишины.

Осторожно, стараясь не шуметь, я поднимаюсь с пола. Босые ноги ступают по прохладному дереву. Медленно, очень медленно, подхожу к зашторенному окну.

Вдох.

Выдох.

Аккуратно подцепляю пальцами край тёмной бархатной шторы. Ткань тяжёлая и плотная; хозяйка явно не экономила

на защите от солнца.

Медленно отодвигаю её в сторону.

Свирепый свет врывается в комнату, прочерчивает золотисто-жёлтую полосу по деревянному полу и задевает лучом моё оголённое бедро. Из-за контраста между прохладой комнаты и жаром солнца на коже сразу проступают мурашки.

Я смотрю на свои ноги и на секунду замираю. Шрамы. Множество мелких шрамов, которыми покрыто моё тело. Карта боли, которую Джон рисовал на мне годами. Некоторые почти незаметны, другие тонкие белые линии, пересекающие кожу как напоминание. Напоминание о том, что я выжила. Что я сильнее. Что меня не сломать.

Поднимаю глаза и выглядываю в щель между шторой и стеной.

За окном — никого.

Только лес. Старые дубы, клёны, где-то вдалеке тёмная стена сосен. Воздух дрожит от жары, и лес кажется немного размытым, как на старых фотографиях. Пустая грунтовая дорога петляет между деревьями и исчезает за поворотом. Вдалеке, метрах в трёхстах, виднеется соседний таунхаус. Ставни закрыты, машины нет, никаких признаков жизни.

Перевожу взгляд на небо. Ярко-голубое, без единого облачка. Такое беззаботное, такое равнодушное к тому, что творится внизу.

Ни вертолётов. Ни дронов. Ничего.

Просто обычный летний день в Катскиллах.

Я отпускаю штору, и комната снова погружается в полумрак. Прислоняюсь лбом к прохладной стене и позволяю себе выдохнуть.

Может, я действительно в безопасности.

Но мои тёмные звери, которые не раз спасали мне жизнь, точат когти где-то под ложечкой. Они шепчут мне, что тишина бывает разной. Бывает тишина мира, а бывает тишина засады.

Я отхожу от окна и сажусь на выдавший виды диван. Обхватываю себя руками и смотрю в одну точку.

Прошло семь лет с тех пор, как я сбежала. Пять лет, как похоронила Каталею Динарди под обломками брака с Джоном. Чужие имена, чужие жизни, которые я примеряла на себя, как платья в магазине. Ничто из этого не уберегло меня от судьбы, от которой мама пыталась меня спасти. И ничего из этого не смогло уберечь меня от меня самой.

Потому что внутри я всегда знала.

Знала, что однажды придётся вернуться. Знала, что кровь Динарди не смыть никакими новыми именами. Знала, что дедушкины уроки не просто слова, а генетический код, вшитый в каждую клетку моего тела.

Я смотрю на свои руки. Руки, которые чистили апельсин в тот день. Руки, которые держали нож несколько лет спустя. Руки, которые убивали.

Пора перестать прятаться.

Мысль приходит внезапно, но когда появляется, я пони-

маю, что она зрела давно. Все эти годы, пока я обманывала, воровала, мстила, выживала, я всего лишь оттягивала неизбежное.

Пора перестать жить чужими страхами и эмоциями.

Маминой ненавистью, что заставляла её презирать деда и дядю Феликса. Страхом Джона, который боялся, что я уйду, и потому бил сильнее. Манипуляциями Джексона, который хотел меня контролировать и потому врал об истинных целях — своих и Организации. Марком и Кларой, что обманывали меня столько раз, что и не счесть, потому что... да хрен знает почему.

Пора перестать жить по плану, который кто-то для меня написал.

Я притворялась и жила чужими эмоциями. Годами наблюдала за миром через стекло: видела всё, но ничего не чувствовала. Люди смеялись: я знала, что это смех, но не понимала, почему он вызывает у них такие лица. Люди плакали: я знала, что это горе, но не могла вспомнить, каково это — чувствовать боль внутри, а не просто наблюдать её со стороны.

Внутри была пустота. Холодная, звенящая, бесконечная пустота, которую я пыталась заполнить всем подряд: адреналином, опасностью, чужими деньгами, чужими мужчинами, чужими жизнями. Я крала не деньги — я крала ощущения. Но это работало лишь на время. А потом пустота только росла, пожирая меня изнутри.

Потому что моя истинная личность, моя истинная природа были спрятаны глубоко внутри, под слоями чужих ожиданий и собственных страхов. Я похоронила себя заживо, когда сбежала. И все эти годы жила как призрак. Присутствовала, но не существовала.

Теперь, когда я явила своё имя на свет, я будто призналась самой себе кем я являюсь на самом деле. Я вспомнила.

И сейчас я ощущаю *всё*.

Солнце, что печёт кожу — оно жжётся, и это чертовски приятно. Ветер из приоткрытого окна, что колышет волосы — щекотно, как в детстве. Холод под ступнями — деревянный пол отдаёт прохладой в пятки, и я чувствую каждую доску. Колотящееся сердце в груди — оно бьётся так сильно, что, кажется, рёбра вибрируют.

Я ощущаю горячий и обжигающий гнев, он поднимается из живота и требует выхода. Я ощущаю злость, она точит зубы и скалится на тех, кто посмел играть мной. И я ощущаю... радость.

Настоящую, дикую, первобытную радость от того, что я жива. Что пустота отступила. Что внутри больше не звенящая бездна, а целый зверинец.

Мои родные, любимые звери, которые уже проголодались. Они трутся о рёбра изнутри, щекочут позвоночник, царапают горло. Я слышу их рычание, и оно звучит как самая прекрасная музыка.

Я не нашла в себе сил расправиться со своими демонами.

Я и не хотела. Они — это я, а я — это они. Мы заключили выгодное перемирие. Я больше не сражаюсь *с ними* — я сражаюсь *вместе с ними*. И впервые за много лет чувствую себя *собой*.

Сильной.

Могущественной.

Живой.

Цельной.

Поднимаю голову и смотрю в темноту комнаты. Где-то там, в этой темноте, прячется та восьмилетняя девочка, которая смотрела на казнь и чувствовала не ужас, а восторг. Которая ела апельсин, пропитанный кровью, и не могла остановиться.

Она никуда не делась. Она ждала.

Всё это время ждала, когда я перестану прятаться. Когда я перестану притворяться кем-то другим. Когда я наконец признаю: та девочка, что пила кровь с апельсиновым соком — это и есть настоящая я. Не жертва. Не беглянка. Не Кая Вандербильт, что боится собственного мужа. Не Кая Смит, притворяющаяся нормальной.

А Каталея Динарди.

Назвав своё имя в банке, я открыла портал в ад. Думала, что ад придёт за мной. Думала, что Динарди явятся с армией лос омбрес и утащат меня обратно в клетку.

Но ад молчит.

Я встаю с дивана. Подхожу к окну. На этот раз отдёргиваю

штору решительно, без страха. Солнце заливает комнату, и я жмурюсь, но не отворачиваюсь.

Я больше не кукла в чужих руках.

Я, *блять*, владелица кукольного театра.

Мне нужно вернуться, чтобы найти ответы. Необходимо найти Сильвана, живого или мёртвого, но я должна знать правду. Выяснить, как к этому причастен Дарелл. И понять, кто из моих друзей на самом деле друг, а кто лишь играл эту роль, пока я слепо доверяла.

И главное — мне необходимо понять *зачем*.

Зачем Марк на самом деле оставил улики в деле Лоуэна? Зачем Джекс скрывал, что Марк — его сын? Зачем Сильван впустил меня в свою жизнь? Зачем Дарелл смотрел на меня так, будто я единственное, что имеет значение?

Ответы где-то там. В городе, который я ненавижу и люблю. В мире, который построили Динарди и который теперь ждёт свою наследницу.

Пришла пора выйти из тени на свет с гордо поднятой головой и занять чёртов трон.

Который по праву *мой*.

Глава 2

**Мы идём, не ища друг друга,
но зная, что идём навстречу.
— Хулио Кортасар**

Неделю спустя.

Манхэттен, отель «Пьера».

Платье сидело идеально.

Длинное серебряное, дерзкое и бесстыдное, с разрезом до бедра и глубоким декольте, не скрывавшее ни единого шрама. Зачем прятать то, что сделало меня сильнее? Пусть смотрят. Пусть гадают, откуда эти тонкие белые линии на коже. Пусть боятся.

Волосы, убранные в высокую причёску, обнажали шею, делая её уязвимой мишенью. Демонстративная незащищённость — лучшая ловушка для хищника. Туфли на шпильках добавляли десять сантиметров роста и превращали походку в танец на лезвии ножа.

Я смотрела на своё отражение в зеркале гримёрки и не узнавала себя. Не Каю Смит, её я похоронила вместе с последними иллюзиями в таунхаусе в Катскиллах. И не ту восьмилетнюю девочку, что ела кровавый апельсин и чувствовала

ла восторг.

Передо мной стояла Каталея Динарди.

Та, кого боялись. Та, кого ждали. Та, кто наконец-то перестала бежать и пришла за своим.

— Ты готова? — спросила визажистка, которую я наняла через третьи руки и под чужим именем. Девушка понятия не имела, на кого работает, и это было идеально.

— Я родилась готовой, — усмехнулась я, поправляя клатч.

Внутри лежало только самое необходимое: помада, чтобы поправлять идеально выверенный образ; телефон с единственным сохранённым номером Джексона, который я пока не готова была набирать; и небольшой сюрприз на случай, если вечер пойдёт не по плану. Тонкое лезвие, вшитое в подкладку. Навыки, которым научил дедушка и довел до совершенства Джекс, не ржавеют.

Благотворительный гала-вечер в отеле «Пьера» собирал сегодня всех, кто хоть что-то значит в этом городе. Миллиардеры, политики, медийные лица, звёзды Голливуда и те, кто дергает за ниточки за их спинами. Идеальное место, чтобы заявить о своём возвращении.

Идеальное место, чтобы найти того, кто мне нужен.

Или тех, кто ищет меня.

Я вышла из гримёрки и направилась к главному залу. Сердце колотилось где-то в горле, но это был не страх. Это был азарт охотника, почуявшего след. Звери внутри доволь-

но потянулись, заскреблись когтями.

Наконец-то, — рычали они. — *Наконец-то охота*.

Зал сверкал хрустальными люстрами и бриллиантами на шеях жён нуворишей. Я взяла бокал шампанского с подноса проходящего официанта и скользнула в толпу, как нож в масло. Улыбалась, кивала, обменивалась ничего не значащими фразами с людьми, чьи имена читала когда-то в досье Джексона. Сенатор Миллер собственной персоной — его любимую женщину зовут не так, как жену, и я знаю адрес, где они встречаются. Банкир Ротштейн — его благотворительный фонд отмывает деньги уже десять лет, и он в курсе, что я это знаю.

Информация — единственная валюта, которая никогда не обесценивается.

Две недели. Четырнадцать дней, за которые я научилась не просто прятаться, а растворяться. Растворяться в тени легко. А выходить из тени, сиять в полную силу, чувствовать каждую клетку, каждый вдох, каждый удар сердца — этому я училась заново. И у меня получалось.

Мир вокруг был серым, как пепел, а я — его законной дочерью, рожденной в тишине и скрытых тенях. Но теперь пепел начал тлеть. Искра внутри разгоралась.

Я парила в этом море бриллиантов и притворных улыбок, с легкостью меняя маски: вот я — загадочная незнакомка, вот — внимательная собеседница, вот — циничная насмешница. Я была как рыба в воде, и эта вода была холодной, со-

ленной и абсолютно искусственной. Я дышала пылью забвения и думала, что знаю все оттенки тьмы.

Но я ошибалась.

Вдруг, словно молния лизнула позвоночник. Тот самый разряд, который невозможно спутать ни с чем.

Я повернулась и увидела *его*.

Дарелл стоял в арке, отгороженный от праздной толпы невидимой стеной. Он вошёл в зал не как гость, а как хозяин, впервые переступивший порог собственных владений. Воздух сгустился, зазвенел, будто натянутая струна, готовая лопнуть.

Рядом, как тень из самого дорогого ада, парила Изабель Делакур в платье цвета свежей крови.

Почему она?

Она была прекрасна и стояла так близко к нему, что между ними мог бы поместиться разве что лист папиросной бумаги.

Ревность?

Нет. Что-то более примитивное, более дикое. Собственное.

Звери внутри вздыбили шерсть и зарычали.

Дарелл не утруждал себя поисками, его взгляд сам был находкой для любого, кто осмеливался его поймать. Тёмно-синие глаза, глубокие как океанские впадины, скользнули по толпе, и этого лёгкого касания хватило, чтобы самые развратные сердца сжались в сладком предвкушении.

А потом эти омуты нашли меня.

Они не обожгли. Они поглотили. В его глазах не было ни искорки знакомого мне света — только бездна, где бесследно исчезали корабли и гасли звезды. Чёрные волосы, откинутые со лба небрежным жестом, казались отлитыми из ночного неба, лишённого луны и надежды.

И эта усмешка. Она коснулась уголков его губ ещё до того, как он сделал первый шаг в мою сторону.

Не улыбка, а усмешка. Та, что знала цену каждому греху, читала каждую постыдную мысль и приглашала разделить с ним ещё один. Она обещала падение, и от этого обещания перехватывало дух.

Я не боюсь его, — упрямо твердила я себе. — Не здесь, где нас окружают сотни людей и бесшумная армия охраны.

Звери внутри расхохотались.

Дурочка, — прошипели они. — *Страх тут совсем ни при чём.*

Дарелл приблизился. Он даже не взглянул на Изабель, просто оставил её там, как дорогой аксессуар, который больше не нужен. Подошёл вплотную, и его запах обволок меня — морозная ночь в открытом океане, выдержанный виски и что-то неуловимое, металлическое, словно запах крови на лезвии. Запах хищника. Запах моего зверя.

— Ты смотришь так, будто видишь призрака, — его голос был низким, бархатным, обволакивающим, как самый изысканный яд.

— Может, я его и вижу, — выдавила я, чувствуя, как привычная броня коварства и самообладания трещит по всем швам.

Его усмешка стала шире, открывая идеальную линию белых зубов. В этом жесте была всепоглощающая уверенность, та самая власть, от которой по спине побежали ледяные мурашки. Он взял моё запястье — его пальцы были прохладными, а прикосновение — собственническим. Он не спрашивал разрешения. Он просто заявил свои права.

И повёл меня в танец.

Мы плыли под тихую, гипнотизирующую музыку, а он вёл так, будто знал моё тело лучше, чем я сама. Лучше, чем я знала себя ещё две недели назад, когда была пустой внутри. Сейчас я чувствовала каждое его движение, каждую мышцу под тканью смокинга, каждое дыхание, касавшееся моей шеи.

В тот момент я не знала, что это — судьба. Я не услышала звона колоколов и не увидела вспышек света. Я лишь почувствовала, как сдвигаются тектонические плиты моего серого мира. Я подумала, что встретила дьявола в особенно соблазнительной форме. Я подумала, что это игра, в которой я обречена проиграть.

Я ещё не понимала, что судьба редко является в образе ангела. Она приходит в облике того, кто способен разломать твою реальность до основания, чтобы построить её заново — или оставить в руинах. И у неё чёрные волосы, синие глаза,

бездонные как океан, и усмешка, от которой закипает кровь.

Я смотрела на него и думала, что это конец.

Я ещё не знала, что это — самое начало.

В конце танца мы замерли у стены с огромным зеркалом, моя спина касалась его груди. Кожу у виска обожгло его дыхание, заставляя мурашки рассыпаться по всему телу.

Моё тело не должно так реагировать на него. Но что толку твердить это, когда каждая клетка выдаёт себя с головой?

Его пальцы медленно скользили вверх по моей руке, но я не могла пошевелиться, не в силах оторвать взгляд от его синих глаз в отражении. Я видела себя рядом с ним — бледную, с расширенными зрачками в сером и зеленом глазах, с пульсом, бьющимся на шее так отчаянно, будто я пробежала марафон. Или готовилась к прыжку.

— Ещё увидимся, — прошептал он, губы едва коснулись раковины моего уха.

Я почувствовала, как он что-то вкладывает мне в ладонь, но следующее слово заставило меня окаменеть.

— *Каталей.*

Каждую букву моего имени он произнёс, смакуя, прокатывая языком по зубам, словно это было его самое любимое лакомство. Словно он пробовал меня на вкус, не прикасаясь губами.

Дарелл отпустил мою руку и растворился в толпе так же внезапно, как и появился. Просто исчез, оставив меня потрясённой, растерянной и... живой. До дрожи. До мурашек.

До желания бежать за ним и воткнуть лезвие между рёбер. Или поцеловать. С этим человеком всегда было два варианта, и оба вели к катастрофе.

Я смотрела в зеркало. Девушка в отражении, бледная и с широко раскрытыми глазами, сжимала в руке какой-то предмет. Я опустила взгляд.

Мои пальцы держали невероятно красивый белоснежный цветок. Нежный, с причудливо изогнутыми лепестками. Я сразу узнала его.

Орхидея Каттлея.

Изысканная, хрупкая и дикая. Цветок, который цветёт там, где другие не выживают. Цветок, в честь которого названа девушка, что решила больше не прятаться.

В груди что-то оборвалось и рухнуло вниз, в живот, где звери взвыли в голос.

Он знал.

Знал моё настоящее имя. Знал всё это время, пока мы встречались, пока смотрел на меня своими бездонными глазами. Знал, кто я.

Все те подаренные орхидеи, что мне привозили, были от него?

И эти цветы были не прощением, не любовью, не романтическим жестом.

Это была визитная карточка моих личных демонов.

Глава 3

**Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей.
— Федор Тютчев**

Тогда.

Колумбия, Асьенда «Соледад».

Поджав под себя ноги, я сижу на полу своей спальни, и в руках держу невероятно красивый кинжал.

Он тяжёлый. Намного тяжелее, чем кажется. Лезвие блестит так, что в нём можно разглядеть своё отражение. С той стороны стали на меня смотрят глаза цвета мха, широко раскрытые и замороженные. Рукоять усыпана драгоценными камнями: рубины, изумруды, крошечные бриллианты, которые ловят свет хрустальной люстры и отбрасывают цветные зайчики на стены, обитые шёлком кремового цвета.

Моя спальня это одна из многих комнат в этом дворце, который дедушка называет домом. За окнами бескрайние зелёные холмы, конюшни с арабскими скакунами, вертолётная площадка и охрана, патрулирующая периметр на чёрных внедорожниках. Здесь всё дышит деньгами, властью и чем-то ещё. Тем, от чего у гостей перехватывает дыхание и они

начинают говорить шёпотом.

Асьенда «Соледад» — сердце империи Динарди.

Все мои подарки свалены кучей в углу комнаты и уже не имеют значения.

Дорогие, коллекционные куклы в бархатных коробках из Франции валяются в стороне, забытые. Изумрудные серёжки, которые мама выбрала с такой тщательностью, даже не открыты — футляр от «Cartier» так и лежит нетронутым на туалетном столике из темного дерева. Радиоуправляемый вертолёт, который прислали какие-то американские друзья Синдиката, застыл бесполезной игрушкой на ковре ручной работы.

Всё это пыль.

А вот кинжал — подарок дедушки Алехандро — это *сокровище*.

Провожу подушечкой пальца по лезвию. Осторожно, под правильным углом, с уважением к стали, как дедушка показывал мне. Он говорил, что нож чувствует страх. Что если боишься порезаться, то обязательно порежешься. Надо быть уверенной и спокойной. Тогда лезвие признает тебя.

Сегодня я не боюсь.

Что-то внутри грудной клетки довольно мурлычет, когда холодная сталь касается кожи. Я чуть сильнее нажимаю и чувствую, как лезвие рассекает плоть. Тонкий, идеально ровный порез. Капля алой крови выступает на подушечке пальца, яркая, как те рубины на рукояти.

Я не вскрикиваю. Даже не вздрагиваю.

Просто смотрю, как кровь собирается в дрожащую каплю, набухает, переливается в свете люстры. А потом медленно подношу палец к губам и слизываю её языком.

Металлический вкус разливается по рту.

Тёплый. Солёный. Почти сладкий.

*Нечто*внутри урчит от удовольствия.

Снова смотрю на кинжал. Теперь на лезвии остался мой след — тонкая алая полоска. Мы теперь связаны. Я оставила ему частицу себя, а он дал мне почувствовать то, что куклы и вертолёты дать не могут.

Сильный стук где-то в доме заставляет меня резко повернуть голову. Звук идёт из глубины асьенды, из тех коридоров, где живёт дедушка.

Крики.

Сначала я не разбираю слов, просто голоса. Один высокий, женский. Второй низкий и раскатистый. Они переплетаются, накатывают волнами, разбиваются о стены, увешанные картинами старых мастеров.

Я тяжело вздыхаю.

Опять.

Аккуратно, почти с любовью, вкладываю кинжал в красивый чехол из тиснёной кожи. Рукоять с драгоценными камнями исчезает внутри, и комната сразу становится тусклее, будто солнце спряталось за тучу.

Поднимаюсь с колен, одёргиваю белое праздничное пла-

тье с кружевами — мама выбирала, чтобы я была "как принцесса". Мама не знает, что её принцесса слизывает свою кровь с ножа.

Иду на звук.

Чем ближе к дедушкиному кабинету, тем громче становятся голоса и шум. Звон битой посуды — кажется, мама запустила чем-то в стену. Грохот ломающейся мебели. Я никогда не видела маму такой. Со мной она всегда тихая, улыбающаяся и любящая. А здесь... здесь она кричит так, что стены дрожат.

Останавливаюсь у двери. Она приоткрыта ровно настолько, чтобы я могла подглядывать в щёлочку, но оставаться незамеченной.

Мама стоит растрёпанная посередине кабинета с красными пятнами на лице. Платье помялось, светлые волосы выбились из причёски. Она похожа на дикую кошку, загнанную в угол. Вокруг такая роскошь, от которой у нормальных людей захватывает дух: антикварная мебель, стены, обитые тиснёной кожей, сейфы, в которых хранятся тайны нескольких государств. Но маме плевать на это. Она смотрит только на дедушку.

— Я не намерена это терпеть! — кричит она так, что у меня закладывает уши. — Я не буду просто смотреть, как ты портишь мою дочь!

Дедушка сидит в своём кресле, абсолютно спокойный. Рядом с ним на полу осколки какой-то вазы, видимо, мамин

снаряд. Он даже бровью не ведёт.

— Можешь не смотреть и проваливать из асьенды, — говорит он тихо, но этот тихий голос перекрывает любой крик. — Тебя здесь никто не держит. Но *Mariposa* останется здесь. Со мной.

— Её зовут *Каталея*! — мама топает ногой, как ребёнок. — Я её мать, и я дала ей *это* прекрасное имя!

— А я её дедушка, — Алехандро поднимается с кресла, и даже через щель я вижу, как меняется его лицо. — И имя хрупкой орхидеи не подходит моей любимой внучке. Но ты в очередной раз сделала всё по-своему. Совершила очередную ошибку.

Он поднимается из кресла, делает шаг к ней, и в его голосе появляется усталость напополам с жестокостью.

— Каттлея — цветок, который растёт в теплицах, требует ухода и боится холода. А моя внучка — *Марипоса*. Бабочка, которая проходит через стадию куколки, через тьму и тесноту, чтобы потом расправить крылья и стать прекраснее любого цветка. Она ещё в коконе, Моника. Но ты пытаешься помешать естественному процессу, потому что боишься увидеть, кем она станет, когда выйдет наружу.

Мама замирает. Её лицо искажается от боли и гнева.

— Я хочу, чтобы у нее была нормальная жизнь! Подальше от твоего зверства и твоих махинаций! В первую очередь она *моя* дочь! — голос срывается на визг. — Я заберу Каталею с собой!

Дедушка медленно подходит к ней почти вплотную, нависает над ней. Хотя мама высокая, он всё равно выше.

— Моя внучка останется там, где я скажу. — Он делает ещё шаг. — И в первую очередь она — Динарди.

— Ей только исполнилось девять! — мамин голос срывается. — А ты уже даришь ей оружие!

Дедушка усмехается. Это та самая усмешка, от которой лос омбрес де сомбра опускают глаза. Холодная, довольная, чуть безумная.

— Кинжал? — он качает головой. — Это так, игрушка. Побрякушка. А не настоящее оружие.

Он наклоняется к маминому лицу.

— В девочке *уже* больше от Динарди, — говорит он тихо, почти ласково, — чем когда-либо было в тебе, Моника.

Мама замахивается. Я не вижу чем, что-то вытянутое, похожее на статуэтку, блеснуло в воздухе. Но дедушка перехватывает её руку раньше, чем удар успевает достичь цели.

— Подслушиваешь?

Низкий голос раздаётся прямо над ухом. Так внезапно, что я подпрыгиваю на месте. Сердце ухает в пятки, потом подскакивает к горлу. Я резко оборачиваюсь и утыкаюсь взглядом в улыбающееся лицо.

Дядя Феликс.

Он стоит сзади, прислонившись плечом к стене, и смотрит на меня сверху вниз. У него красивая улыбка, как у актёра из телевизора. Но глаза... глаза странные. Они такие темные,

что кажутся черными, и смотрят на меня как-то... *не так*.

— Я... нет, — выдыхаю я, прижимая руки к груди, чтобы унять колотящееся сердце. — Случайно услышала мама с бабушкой опять ругаются. Так громко кричат...

Феликс поднимает руку над моей головой, касается двери и мягко, почти беззвучно прикрывает её. Крики становятся глуше, превращаются в далёкий шум.

— Пойдём, — говорит он и берёт меня за руку. Ладонь у него прохладная и мягкая. — Поедим твой торт. Расскажешь мне, что тебе подарили.

Я позволяю увести себя в сторону столовой, но на секунду оборачиваюсь на дверь кабинета. Там, за закрытой дверью, мама и бабушка продолжают сражаться за меня. Как за трофеем. Как за призом. Как за будущее империи.

Я сжимаю в свободной руке край платья и чувствую, как палец, порезанный кинжалом, пульсирует под тканью. Кровь уже запеклась, но вкус всё ещё на языке.

В столовой нас ждёт половина оставшегося огромного торта с праздника: три яруса, розочки из крема, фигурка принцессы на верхушке. Комната сияет хрусталём и позолотой, длинный стол накрыт белоснежной скатертью, слуги в безупречной форме бесшумно парят между буфетами. Здесь всё устроено для приёмов, на которые съезжаются министры и генералы, банкиры и послы. Для них Динарди — страшная сказка, но они всё равно приезжают, потому что деньги не пахнут. А власть пахнет запахом этого дома: кофе, дорогим

табаком и чуть-чуть страхом.

Слуги ещё раз зажигают свечи, улыбаются, желают счастливого дня рождения.

Феликс садится напротив, подпирает щёку рукой и смотрит, как я задуваю свечи.

— Загадала желание? — спрашивает он.

Я киваю.

— Какое?

— Не скажу, а то не сбудется.

Он смеётся, запрокинув голову назад.

Даже моё девятилетнее восприятие мира понимает: Феликс хорош собой. Загорелая кожа, почти чёрные глаза, что всегда сверкают подзывающим блеском, чёрные волосы и хищный взгляд. Девушки не дают ему прохода. Я видела, как они смотрят на него на приёмах, раздевают глазами, краснеют и теряют дар речи.

Но почему он до сих пор не женат? Ему уже двадцать один, а у нас все вступают в брак с совершеннолетием. Некоторые семьи, дабы улучшить своё положение, отдают дочерей в шестнадцать-семнадцать лет. Странно, что дедушка позволяет ему ходить холостяком.

Закончив смеяться, дядя Феликс протягивает руку через стол и заправляет мне за ухо выбившуюся прядь. Прикосновение задерживается на секунду дольше, чем нужно.

— Твоя мама зря спорит с бабушкой, — говорит он задумчиво. — Ты действительно особенная, Каталя. Ты это

чувствуешь, да?

Я смотрю на него и молчу. Потому что да. Чувствую.
Особенная.

Не такая, как другие девочки, которые играют в куклы и боятся темноты. Я не боюсь темноты. Я не боюсь крови. Я не боюсь смотреть, как умирают люди.

*Нечто*внутри согласно урчит, довольно потягиваясь.

Феликс смотрит на меня, и в его глазах мелькает что-то такое, чего я пока не понимаю. Что-то взрослое, тёмное и тяжёлое.

— Когда-нибудь, — говорит он тихо, — ты поймёшь, что я всегда был на твоей стороне. Запомни это.

Я киваю, потому что кивать проще всего. И отрезаю себе огромный кусок торта, пока слуги накладывают мороженое в хрустальные креманки.

Вкус крема смешивается с привкусом крови, который всё ещё держится на языке.

Сладкое и горькое.

Как тот апельсин, который я съела полгода назад.

Как вся моя жизнь.

Глава 4

**Будь собой, остальные роли уже заняты.
— Оскар Уайльд**

Сейчас.

Такси на пути из Манхэттена в Катскиллы.

Ночь.

За окном такси проплывают огни ночного города, постепенно редая и уступая место тёмной трассе, уходящей в лес. Я сижу на заднем сиденье, вжавшись спиной в холодный кожаный, и сжимаю в руке белоснежную орхидею.

Каттлея.

Каталея.

Моё имя, превращённое в цветок. Моя суть, упакованная в нежные лепестки и острый, пряный аромат.

Пальцы машинально мнут стебель, хотя я приказываю себе остановиться. Нельзя уничтожать улику. Но звери внутри требуют разорвать, растоптать, выкинуть в окно всё, что связано с ним, с этим человеком, который появляется из ниоткуда и исчезает в никуда, оставляя после себя только вопросы.

Дарелл.

Кто ты, чёрт возьми, такой?

Я закрываю глаза и прокручиваю в голове каждый момент нашей встречи. Каждое слово. Каждое движение. Танец, от которого закипала кровь, хотя разум кричал «опасность». Его пальцы на моей руке. Губы у виска. Шёпот, от которого по коже рассыпались мурашки.

К-а-т-а-л-е-я.

Он произнёс моё имя так, будто пробовал на вкус. Будто знал его всегда. Будто ждал момента, чтобы вонзить его в меня, как тот кинжал, которым я порезала палец в девять лет.

Откуда?

Я перебираю варианты.

Сильван?

Нет. Он не знал. Не мог знать.

Или мог?

Могла ли я проговориться во сне, в минуту слабости, в момент близости с Дареллом?

Нет.

Я никому не говорила. Даже Джексону. Даже Марку. Даже Кларе.

Джексон.

Мысль о нём обжигает новой волной гнева.

Но сейчас не о нём. Сейчас о Дарелле.

Если Дарелл знал, то знал ли Сильван? Дарелл — телохранитель Сильвана. Его верный пёс и правая рука. Он узнал

от Сильвана?

Или нет?

Действительно ли Дарелл верен Сильвану?

Голова идёт кругом. Слишком много вопросов, слишком мало ответов. Слишком много людей, которые всё это время играли в свои, неведомые мне игры.

Вспоминаю ту комнату. Пустую, залитую кровью. Комнату, где я должна была встретиться с Сильваном, чтобы довести дело до конца. Шантаж Джексона, последнее задание, а в итоге только разгром в номере, кровь и тишина.

И Дарелл. Запыхавшийся, появившийся из ниоткуда.

Что он там делал? Почему у него был такой вид, будто он бежал марафон?

Может быть, он

Мысль обрывается, и я чувствую, как внутри всё холодеет.

Может быть, это он причинил вред Сильвану. Ранил его.

Или кто-то из врагов Сильвана устроил им в «Ла Съенега» засаду?

А может быть, Дарелл и есть тот, кто создал всю эту кровавую сцену?

Господи, какая же я дура.

Я танцевала с ним. Позволила прикасаться к себе. Смотрела в его глаза и чувствовала, как земля уходит из-под ног. А он, возможно, в это время прокручивал в голове, как будет добивать Сильвана. Или меня.

Звери внутри рычат. На него. На меня. На всю эту ситу-

ацию.

Я смотрю на орхидею в своей руке. Безупречно белая, хрупкая, смертельно красивая. Как я. Как он сам. Как всё, что связано с этим миром.

Резким движением я зажимаю цветок между ладонями и давлю. Лепестки мнутся и ломаются. Я чувствую кожей, как из стебля выступает холодный, влажный и липкий сок. Так похожий на кровь. Таксист косится в зеркало заднего вида. Я перехватываю его взгляд и смотрю в ответ, не мигая. Он отводит глаза.

Хороший мальчик.

Откидываюсь на спинку сиденья и смотрю в окно. За стеклом уже сплошная темнота леса, лишь изредка прерываемая огнями придорожных мотелей и заправок. До таунхауса ещё час езды.

Час, чтобы подумать.

Но думать не хочется. Хочется действий. Хочется вцепиться кому-нибудь в глотку и трясти, пока не скажут правду.

Фокусирую взгляд на тёмном стекле и вижу своё отражение. Призрак, наложенный на бегущую в ночи трассу.

Всё те же светлые волосы цвета пшеницы. Тот же курносый нос. Тот же точеный подбородок — мамин подбородок, которым она так гордилась, пока не поняла, что он и волосы — это единственное, что она смогла мне передать.

Но глаза уже не те.

Левый, тёмно-зелёный, как омут в джунглях, — фамильная печать Динарди. Дедушкин взгляд, только в женском исполнении. А правый — серый, холодный, как зимнее небо над Манхэттеном, и пересечённый тонкой белой линией шрама. Метка, которую Джон оставил мне на память нашей семейной жизни.

Два глаза, которые никогда не договорятся между собой. Как и две крови, текущие в моих жилах. Один смотрит на мир и видит добычу. Второй видит угрозу и просчитывает пути отступления.

Звери внутри согласно кивают. Для них это идеальный компромисс.

И так, мне нужны ответы.

Но с чего начать?

Дарелл — тёмная лошадка. Я не знаю, кому он верен, не знаю, чего от него ждать. Встречаться с ним наедине сейчас — самоубийство. Слишком опасно.

Клара с Марком, хоть и убеждали меня в своей автономности от Джексона, всё-таки подчиняются его слову. Все нити тянутся к нему. Переплетаются, завязываются в узлы, которые мне предстоит разрубить.

Я достаю телефон и смотрю на экран. Три часа ночи.

Плевать.

Набираю сообщение:

«Нужно поговорить. Завтра.»

*У тебя в офисе. В 7 утра.
Не опаздывай».*

Отправляю и выключаю звук.

Пусть понервничает.

Такси ныряет в поворот, и я в очередной раз ловлю взгляд водителя в зеркале.

— Поворачивайте, — говорю я, не отводя глаз. — Не в Катскиллы. В город. Нам нужно вернуться.

— Но мэм, вы сказали

— Я сказала поворачивай, — мой голос звучит ровно, но в нём достаточно стали, чтобы он понял: спорить не стоит.

Таксист послушно разворачивается на ближайшем развороте, и мы снова едем в сторону города, в сторону огней, в сторону ответов.

Я смотрю на изуродованную орхидею у себя на коленях. Белоснежные лепестки, ещё несколько часов назад безупречные, теперь смяты, надорваны, пропитаны соком, похожим на кровь. Она всё ещё прекрасна той особой, трагической красотой, которая приходит только после того, как что-то прошло через мясорубку и выжило.

Как и я.

Орхидея странным образом напоминает мне, что я овладела искусством возмездия. Выдержала все круги ада, которые этот мир подкидывал мне с завидным упорством. И теперь, глядя на эту изломанную, но не сломленную орхидею,

я понимаю: цветок и я — одно целое.

Каттлея. Каталея.

Моё имя, которое я так долго прятала, теперь у меня в руках — в прямом и переносном смысле. Изуродованное, искалеченное, но моё.

Провожу пальцем по мокрому лепестку и чувствую, как внутри что-то встаёт на место. Последний фрагмент пазла, который я пыталась собрать все эти годы.

Прочь мысли. В топку домыслы. Усмиряю клокочущий гнев, что щекочет горло.

Гнев опасен, как и страх.

Закрываю глаза. Делаю глубокий вдох. Чувствую, как внутренние звери, повизгивая, нехотя отползают в тень, уступая место тому самому механизму, который годами оттачивали дедушка, жизнь, Джексон и я сама.

Я вспоминаю его слова и позволяю разгореться темному огню внутри. Он не греет. Он выжигает все, что мешало мне чувствовать.

Когда открываю глаза, орхидея уже не кажется мне изуродованной. Она кажется мне... освобождённой. От идеальной формы, от навязанной красоты, от чужого представления о том, какой она должна быть.

Я смотрю на цветок и улыбаюсь.

Мы еще летаем, бабочка.

Глава 5

**Играюсь с людьми — привычка
Мне нет дела ни до кого.
Я та, что сожгла последние спички
И не почувствовала ничего. (с)**

Сейчас.

Манхэттен, офис благотворительного фонда «Розовые Сердца».

7:15 утра.

Джексон должен мне ответы.

По возвращению в город я заселилась в первый попавшийся отель на Таймс-сквер. Но заснуть так и не смогла. Слишком много адреналина, слишком много вопросов, слишком много Дарелла под веками.

Слишком.

Вместо сна я сидела на подоконнике, смотрела как занимается рассвет и сжимала в руках изуродованную орхидею.

В шесть утра, когда город только начинал потягиваться в лучах восходящего солнца, я заскочила в Target на 34-й улице. Купила простые джинсы, белую футболку, кеды и бейсболку. Смыла с себя вчерашний гламур, стерла идеальный

макияж, спрятала вечернее платье на дно пакета.

Каталей Динарди может выходить в свет в серебре и бриллиантах. Но на охоту за правдой ходят в другом.

Теперь я стою перед знакомой дверью с матовым стеклом, на котором выцветшей краской выведено название благотворительного фонда. «Розовые Сердца». Когда-то это название казалось мне символом надежды. Теперь оно вызывает только тошноту. Розовый — цвет невинности, сердечки — символ любви. Идеальная обёртка для того, что происходит за этой дверью. Индустрия спасения — самый прибыльный бизнес после торговли оружием, надо признать.

Я толкаю дверь.

Внутри всё по-прежнему: дешёвый ремонт, пластиковые стулья для посетителей, плакаты на стенах с вдохновляющими лозунгами «Ты не одна», «Мы поможем», «Новая жизнь возможна». Всё это рассчитано на женщин, которые разучились верить красивым словам, но отчаянно хотят научиться заново. Идеальная аудитория для профессионального манипулятора.

За стойкой ресепшена никого. Слишком рано, даже волонтеры ещё не пришли. Или просто умные люди не спешат связываться с этим местом.

Но я знаю, где искать.

Прохожу по коридору мимо кабинетов психологов, мимо комнаты, где когда-то сама сидела и училась заново улыбаться. Забавно: я думала, что учусь чувствовать, а на самом деле

училась притворяться, что чувствую. Джекс всегда был мастером эффективных инвестиций.

Иду мимо двери с табличкой «Только для персонала». Прохожу всю эту мишуру, которую налоговая и наши «розовые» спонсоры глотают как конфетки.

Неприметная дверь у дальней стены — вот настоящий портал в кроличью нору. Переход на тёмную сторону, который ведёт к настоящей деятельности Джексона Каллахана. Работники между собой называют это Организацией. Сильван со своими друзьями окрестили нас «Куклами».

Мило. Хотя куклами нас делают не они, а тот, кто дёргает за ниточки.

Поднявшись наверх, вхожу в приёмную Джекса. Клара за своим столом, как верный сторожевой пёс, только порода сменилась с овчарки на болонку. Солнечный свет из панорамного окна играет с платиновым каре и переливается в лазури ее глаз, когда взгляд ловит мое появление.

Она соскакивает с места, делает шаг ко мне, и я вижу в её глазах желание что-то сказать. Может, извиниться. Может, объяснить. Может, снова соврать, уже более убедительно.

Но у меня нет времени на её лживые оправдания. Её предательство ранило сильнее всего. Она была моей подругой. *Единственной* подругой за последние несколько лет. Мы пили вино, обсуждали мужиков, она держала мою голову, когда меня выворачивало после очередного кошмара про Джона.

И после всего, через что мы обе прошли, она, сговорив-

шись с Марком, сдала меня. Виновны ли они в пропаже Сильвана? Специально ли отправили меня одну в пустой окровавленный номер?

Подставивший однажды обязательно подставит вновь.

Я высокомерно отвожу взгляд от бывшей лучшей подруги — словно она пустое место, словно её здесь нет — и врываюсь в кабинет Джексона без стука.

Джекс сидит за столом, уткнувшись в монитор. При моём появлении вздрагивает. Всего на миллиметр, но я замечаю. Привычка, которую он сам во мне воспитал: замечать всё.

— Ты опоздала, — встречает меня его голос. Он даже не поднимает глаз от монитора.

— Ничего, — я закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней спиной, скрещивая руки на груди. — Подождёшь.

Джекс поднимает голову. В его взгляде смесь усталости и чего-то похожего на уважение. Или мне только кажется.

— Садись, — кивает на стул.

— Я постою. Так быстрее сбежать, если ты снова начнёшь кормить меня сказками.

Он усмехается. Устало, но с тенью того самого обаяния, которое когда-то заставило меня поверить, что он на моей стороне.

— Хорошо. Хочешь стоять — стой.

Джекс откидывается в кресле и смотрит на меня долгим, изучающим взглядом.

А я смотрю на него и думаю о том, что он больше не имеет

на меня влияния.

Мы заключили с Джексом сделку — он уничтожает Каю Вандербильт, подделывает документы, будто она погибла в аварии вместе с мужем. И дает жизнь Кае Смит. Тот пункт в нашем договоре обязывал меня подчиняться ему до тех пор, пока ему удастся поддерживать эту иллюзию и обеспечивать мне безопасность от друзей Джона.

После того, как я запросила доступ к счету Вандербильт, скрываться уже бессмысленно.

Джексон Каллахан был тем, кто помог мне — полумёртвой, в крови, с переломанными рёбрами и едва узнаваемым лицом после побоев и аварии — сбежать из больницы до приезда полиции. Он вывез меня через чёрный ход, закутанную в грязную простыню, посадил в старый фургон и скрыл в квартире при его благотворительной организации.

А потом рассказал, что они помогают таким девушкам, как я. Пострадавшим от мужей, парней, отцов, начальников. Тем, у кого синяки не заживают, потому что новые появляются раньше, чем пропадают старые. Тем, кто не может обратиться в полицию, где их в лучшем случае высмеют как «бедную богатую жену влиятельного человека, которую муж не пустил в клуб», а в худшем — упекут в психушку, чтобы сбить спесь.

Это казалось настоящим чудом, что Джекс нашёл меня тогда.

В тот момент, когда меня доставили по скорой в окруж-

ную больницу, Джексон находился там же — навещал одну из своих подопечных, которая несколько раз сбегала от своего парня-тирана, но каждый раз возвращалась обратно после его слезливых и, *конечно же*, лживых обещаний. Врачи в том месте были подкуплены Джексоном. Он платил им, чтобы в первую очередь к пострадавшим девушкам пускали его, а не полицию. Ведь девушки боятся давать показания. Боятся мести. Боятся, что их не защитят.

А Джексон умел находить подход. Он объяснял, что им нечего бояться. Что он никому не расскажет, если она поведает ему правду о своём богатом муже-деспоте. А его благотворительный фонд «Розовые Сердца» позаботится о ней и поможет скрыться от преследования.

Тогда Джексон казался мне ангелом-спасителем, которого наконец послали в мою жизнь, чтобы вытащить из ада.

Он предложил мне новую жизнь. Новое имя. Защиту. Свободу.

Свободу от Джона.

Свободу от маминой легенды и вечного бегства.

И, сам того не зная, Джексон подарил мне свободу от всего, что было до.

— Кая, — говорит он, и в голосе не звучит ни капли раскаяния.

— Не трать время, Джекс. Ты знаешь, зачем я пришла.

Он медленно выпрямляется в кресле, ставя локти на стол. Смотрит на меня долгим, изучающим взглядом.

Раньше я бы подумала: «Он оценивает, как я держусь после всего». Теперь я знаю: он просчитывает, сколько правды я выдержу и какую ложь сейчас проглочу легче всего.

— Ты изменилась.

— Жизнь заставила. Знаешь, когда узнаёшь, что все, кому ты доверяла, играли в свои игры, это немного корректирует мировоззрение.

— Ты хочешь знать про Сильвана Ричардсона, — наконец говорит он.

— Я хочу знать всё. Про то, куда делись все мои деньги со счетов. Про эту чертову Организацию, на которую я так старательно работала. Про Марка. Про Сильвана. Про Дарелла. Про каждую ложь, которую ты скормил мне за эти годы.

Джекс вздыхает. Трёт переносицу. Жест, который я видела сотни раз, когда он делал вид, что принимает трудное решение.

— Ты не готова это услышать, — наконец говорит он.

— Я готова услышать правду с тех пор, как перестала быть твоей марионеткой. Так что давай, не томи.

Он долго молчит. Так долго, что я начинаю слышать, как за стеной тикают часы.

— Садись, — повторяет он. — Это долгая история.

Я все-таки сажусь. Не потому что верю ему. А потому что если придётся его убивать, лучше сделать это из кресла напротив. Быстрее выйдет.

— Я слушаю, Джекс. И если ты соврёшь хоть раз...

— Знаю, — перебивает он. — Ты найдёшь способ мне отомстить. Ты всегда находишь способы. Это я в тебе воспитал.

— Гордись.

— Иногда горжусь. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Иногда жалею, что вообще тебя нашёл в той больнице.

— Расскажи это кому-нибудь, кто поверит, — усмехаюсь я. — Ты не находишь людей случайно, Джекс. Ты охотишься. Так какая охота привела тебя ко мне?

Он тяжело вздыхает. Складывает руки домиком и пристально смотрит на меня. Долго. Спустя минуты, годы, эры, закончив какие-то мысленные споры с самим собой, он говорит:

— Ладно. Начнём по порядку. Мы не просто так выбираем наших «объектов».

— Да, эти твои сказки я уже слышала, — перебиваю я. — Ты выбираешь насильников, абьюзеров и деспотов, которых не может или не хочет наказывать правосудие и закон. Их ты поручал мне. Манипулировал мной, давя на желание наказать и быть отомщённой. А как же насчёт тех, кого ты отдавал другим девушкам? Клара с Марком всё мне рассказывали. На самом деле тебе плевать на моральную составляющую этих людей. Ты выбираешь по количеству нулей на их банковском счете.

Я закончила тираду на одном дыхании, забрызгав стол Джекса своим ядом.

Он практически безразлично окинул меня снисходительным взглядом.

— Я манипулировал тобой, чтобы уберечь.

Я цокаю и закатываю глаза.

— Кая, я давал тебе только тех, кто не знал Джона и не был с ним связан, соблюдая условия нашего договора. И да, я действительно поручал тебе только тех, кто был повинен в том же, в чём и Джон — в большей или меньшей степени. Твоей психике нужно было чувствовать, что ты мстишь, делаешь хорошее дело. Ты бы не смогла расправиться с юнцом, единственным преступлением которого было участие в оргии.

Я бы никогда не притронулась к невинному парнишке! — хочется заорать мне, стукнув кулаком по столу, но Джекс продолжает:

— Но среди больших денег нет невинных овечек, дорогая. И выбираю их не я. Ты же знаешь, что у нас есть особые спонсоры? Так вот, всех тех мужчин, которых мы берем в оборот нам указывают. Это их деловые партнёры или конкуренты, да кто угодно, кто заплатит нам за устранение. Это серьёзные люди, Кая, и я предпочитаю не вмешиваться в их игры по расстановке сил. Я просто делаю свою работу. И делаю её хорошо.

Джексон открыл ящик стола и достал бутылку виски и два стакана. Налил на два пальца и один стакан подтолкнул по столу ко мне, второй осушил залпом. Я не двигалась и молча

ждала продолжения.

— Что касается Джона Вандербильта... — он делает паузу, — так он уже давно интересовал нас как «объект». У него было немало недоброжелателей. Он был баснословно богат и по счастливому стечению обстоятельств оказался сраным ублюдком, который бьёт свою прелестную жену.

На три долгих удара сердца я забыла, как дышать. Мои звери оскалились и зашипели.

— По счастливому для нас, разумеется. Не для тебя. Мне жаль, что тебе пришлось это пережить.

Когда я вспоминаю, как дышать, и ничего не отвечаю, Джексон продолжает.

— С Джоном было сложно. Наше самое проблемное дело на тот момент. Он не позволял себе лишнего с чужими, и моим девочкам никак не удавалось войти в его круг. У него влиятельные и опасные друзья, которые так же не помогали делу. Я пробовал несколько раз. Отправлял своих лучших девушек. Даже Хлое и Кларе не удалось довести дело до конца.

При упоминании Хлои я сильно сжимаю челюсти, чувствуя, как скрипят зубы. Эта девица что-то знает. Её молчаливое присутствие в комнате для брифингов перед операцией с Сильваном насторожило меня ещё тогда. Теперь я уверена: она приложила свои крохотные ручки к его исчезновению. Но с ней я разберусь позже.

Джекс продолжает, не замечая моего секундного отвлече-

ния от его рассказа.

— ...И конечно же, *ты* была нашим большим осложнением. Ты знала, что Джон перевёл почти все свои деньги на твои счета задолго до той аварии, а себе оставил лишь доступ? И в его завещании было только твоё имя.

— Значит ли это, что в таком случае вашей целью уже стала я?

Джекс открывает рот, чтобы ответить, и в этот момент дверь за моей спиной открывается.

Я слышу шаги, но не оборачиваюсь. Слишком знакомые шаги.

— Клара сказала, ты здесь, — голос Марка звучит взволнованно. — Кая, нам нужно поговорить.

— О, — я медленно поворачиваю голову и смотрю на него с ледяной улыбкой. — Какая трогательная встреча бывших друзей. Вы тут все собрались, чтобы покаяться? Или чтобы придумать новую ложь?

Марк переводит взгляд на Джексона. Тот едва заметно качает головой. Я замечаю это движение, хотя они явно надеялись, что я не увижу.

— Не надо, — говорю я. — Не надо ваших тайных сигналов. Я всё вижу. Я всегда всё видела, просто предпочитала закрывать глаза. Но знаете что? Веки устали.

Я встаю. Смотрю на них двоих и теперь, зная правду об их родстве, замечаю, как они похожи. Те же карие глаза, такой же прямой нос. Наверняка у Джекса были такие же кашта-

новые волосы, что у Марка, пока их не покрыла седина. Я смотрю на людей, которым доверяла свою жизнь. На сына и отца, которые знали меня слабой, разбитой, мёртвой изнутри. А я о них не знала ничего.

Тишина в комнате становится невыносимой. Они смотрят на меня и ждут.

Чего?

Взрыва? Драки? Слез? Мольбы?

Я смотрю на них и вдруг понимаю, что они правда ждут моей реакции.

— Знаете, что я чувствую? — мой голос звучит ровно, спокойно. Дедушка был бы доволен. — Глядя на вас сейчас, когда вся ваша ложь рассыпалась, как карточный домик?

Они молчат. Марк переминается с ноги на ногу. Джек сжимает пустой стакан.

— Я чувствую себя идиоткой. Но это пройдёт. А вот вы... вы останетесь с тем, что сделали. С тем, что предали единственного человека, который мог бы прикрывать ваши спины, когда всё пойдёт прахом. А оно пойдёт, поверьте моей интуиции.

Я направляюсь к выходу.

— Сливка, подожди! — Марк хватается меня за руку.

Я смотрю на его пальцы. Потом медленно поднимаю глаза.

— Убери руку, — говорю я тихо. — Иначе я её тебе сломаю. И это будет только начало.

Он отпускает.

— И если еще раз так меня назовешь — отрежу тебе язык.

Я захлопываю дверь кабинета, прохожу мимо Клары, которая смотрит на меня глазами, полными слёз, спускаюсь по лестнице, прохожу мимо дешёвых пластиковых стульев и плакатов с лозунгами.

«Ты не одна».

«Мы поможем».

«Новая жизнь возможна».

Выхожу на улицу. Солнце уже безжалостно жжет, город просыпается, и начинается новый день.

Новая жизнь.

Без них.

Без их розовых сердец с чёрными душами.

Глава 6

Nemo Me Impune Lacessit.

(Никто не тронет меня безнаказанно.)

— латинский девиз

Сейчас.

Манхэттен, у офисного здания благотворительного фонда «Розовые Сердца».

8:45 утра.

Я вылетела из дверей офиса Джексона, будто за мной черти гонятся. Хотя, если подумать, именно это сейчас и происходит. Просто черти носят дорогие костюмы и прикидываются моими бывшими друзьями.

Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы превратить Манхэттен в раскалённую сковородку. Август в Нью-Йорке — это отдельный круг ада, который Данте почему-то пропустил. Асфальт плавится, кондиционеры надрываются, и даже голуби выглядят так, будто мечтают о суициде.

Я глубоко вдыхаю горячий, влажный воздух и чувствую, как лёгкие протестуют. Но вместе с этим приходит странное облегчение. Свобода. От Джекса. От его кабинета, пропахшего виски и ложью. От всего этого грёбаного утра.

Моя новая машина стоит у паркомата на 43-й улице. Чёрный Maserati Levante Trofeo, купленный сегодня в пять утра, когда нормальные люди видят десятый сон. Бессонница имеет свои преимущества: я успела оформить заказ онлайн, подтвердить перевод со счёта Динарди и договориться, чтобы машину пригнали к офисному зданию к восьми. За дополнительные пять тысяч баксов можно договориться о чём угодно.

Свой Aston Martin я продала через день после инцидента в «Ла Сьенег». Меньше чем за сутки нашла перекупщика, который не задаёт вопросов, сбавила тачку за полцены и забыла, как страшный сон. Копы могли искать её или не искать, но рисковать своим транспортом, засвеченным у места преступления, я не собиралась.

Теперь у меня есть кое-что повнушительнее. Я внутренне пискнула от восторга, а щеки уже болели от широкой улыбки. Levante Trofeo – один из самых быстрых внедорожников в мире. Трёхлитровый V6 с отдачей в 550 лошадей, разгон до сотни за 3,9 секунды и максимальная скорость под триста. Это не просто машина — это зверь в костюме от Армани.

Подхожу к машине и на секунду замираю, просто чтобы полюбоваться. Хищный силуэт, сочетающий в себе высокую посадку с возможностью значительного занижения благодаря адаптивной пневмоподвеске. В стандартном режиме — это типичный кроссовер с высокой обзорностью, но в спортивном режиме Trofeo опускается, приседая на задние лапы

как перед прыжком, обеспечивая спортивный низкий центр тяжести для быстрой езды.

Кажется, я словила множественный оргазм, пока прокручивала все регалии этого авто в уме. Его двигатель рычит даже на холостом ходу — низко, угрожающе, будто зверь, которого заперли в клетке и который только и ждёт, чтобы вырваться на волю.

— Ну здравствуй, красавица, — шепчу я, открывая дверь. — Покажем этим ублюдкам, кто тут королева дорог?

Салон встречает меня прохладой: кондиционер уже поработал, спасибо парню из автосалона, который доставил мою девочку сюда. Я сажусь за руль, провожу рукой по кожаной отделке и чувствую, как звери внутри одобрительно урчат.

Они любят быстрые машины почти так же, как быструю смерть.

Внутри машины пахнет новой кожей и деньгами. Моими деньгами. Деньгами Динарди.

Я врубаю свой плейлист на оглушительную громкость, но ровно настолько, чтобы рокот басов вибрировал в груди, но не заглушал вихрь мыслей в голове. Выруливаю с парковки, плавно вливаясь в поток. Сейчас утро буднего дня, так что час пик уже схлынул, но движение всё ещё плотное. Идеально, чтобы затеряться. Идеально, чтобы подумать.

Перед глазами всё ещё стоит лицо Джекса, когда он рассказывал про Джона. Про то, как они охотились на него. Про Хлою и Клару, которые пытались, но не смогли. Про то, что

он знал обо мне задолго до того, как "спас" из больницы.

«Ты была нашим осложнением».

Осложнением для кучки людей, которые годами манипулировали мной, используя мою боль как топливо.

Я сжимаю руль так, что костяшки белеют.

Сворачиваю на Вест-Сайд Хайвей, целясь вырваться из этого бетонного ада и рвануть в Катскиллы. Мне нужно в душ, в тишину, в безопасное место, где можно переварить всё это дерьмо без свидетелей.

И тут я замечаю.

Чёрный внедорожник с тонированными стёклами, наглухо запертыми, как пасть акулы. Он висел за мной ещё на выезде с парковки, но я списала на совпадение. Теперь, когда поток поредел, а он всё ещё держится на том же расстоянии, игнорируя возможность обогнать...

— Ну привет, — бормочу я, бросая взгляд в зеркало заднего вида. Сердце колотится, адреналин разливается по телу.

Звери внутри просыпаются, шерсть встаёт дыбом, ноздри трепещут. Мы принимаемся к угрозе.

Кто это? Джекс послал хвост? Марк решил проследить? Или кто-то пострашнее?

Я не знаю. Но чертовски хочу выяснить.

И есть лишь один способ.

Впереди развязка, ведущая к съезду на Бруклин. Я резко перестраиваюсь в правый ряд, игнорируя возмущённый гудок какого-то пикапа и его поднятый средний палец. Внедо-

рожник повторяет манёвр, даже не пытаясь скрываться.

— Хорошо, — шиплю я, ловя свою ухмылку в зеркале. Глаза горят азартом. — Поиграем.

Я выкручиваю громкость играющего трека **Monsters - Ruelle** на максимум, и рев монстров в колонках сливается с рёвом мотора и моими внутренними монстрами. Вдавливая педаль газа в пол, и Levante взревел так, будто я разбудила дракона. Пятьсот пятьдесят лошадей под капотом взбесились, вжимая меня в кресло с такой силой, что на мгновение перехватило дыхание. Стрелка спидометра поползла вверх — семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто миль в час. Машина сорвалась вперёд, как зверь, почуявший кровь.

Внедорожник позади дёрнулся, пытаясь повторить, но я уже летела, вливаясь в поток и выныривая из него, как торпеда.

А тот танк создан для того, чтобы давить, а не догонять. Но он не отставал. Упёртый гад.

Я сворачиваю на съезд, не сбавляя скорости, и чувствую, как машину заносит на повороте. Мир за окном превращается в размытую акварель: серый асфальт, зелёные указатели, синее небо где-то наверху.

Сердце истерически колотится, отдаваясь в висках, но это не страх. Это чистый, дикий, пьянящий адреналин, от которого кровь превращается в шампанское. Звери внутри визжат от восторга, требуя продолжения банкета.

— Нравится? — кричу я им, вписываясь в поворот на ско-

рости, которая заставила бы инженеров Maserati рыдать от ужаса и гордости одновременно. — А это вам!

Я выкручиваю руль влево, заставляя машину вписаться в поворот, который на такой скорости проходить нельзя. По всем законам физики меня должно размазать по отбойнику. Но Maserati слушается руля, как хорошо выдрессированная собака. Мы ныряем влево, обходим фуру, выскакиваем перед ней с таким запасом, что водитель даже не успевает возмущённо побибикать. Потом резко вправо, в разрыв между двумя седанами, которые шарахаются в стороны, будто увидели призрака.

Я бросаю взгляд в зеркало. Внедорожник отстал. Метров на двести, но этого достаточно.

Впереди светофор. Красный.

Но мне плевать.

Я жму на газ, проскакиваю перекрёсток под возмущённый хор гудков, и ныряю в какой-то переулок, которого даже нет на картах. Узкий, грязный, заставленный мусорными баками — идеальное место, чтобы затаиться.

Глушу двигатель, музыка замолкает вместе с ним, и замираю.

Слышу только собственное дыхание и бешеный стук сердца. Руки на руле слегка подрагивают, но это не нервы — это эндорфины, которые разносятся по крови, оставляя после себя ощущение чистого, неразбавленного кайфа.

Проходит минута. Две. Три.

Мимо проносится чёрный внедорожник, даже не замедляясь. Теперь я успеваю разглядеть его получше. Это Cadillac Escalade, тонированный в ноль, на блатном номере, который я не успеваю запомнить.

— Прощай, — шепчу я, провожая его взглядом. — Передай привет тому, кто тебя послал.

Когда рёв мотора затихает вдали, я позволяю себе выдохнуть. Откидываюсь на спинку кресла и чувствую, как губы расползаются в улыбке. Чёрт, как же я скучала по этому чувству. По адреналину в крови, по опасности за спиной, по этому бешеному ритму, когда решаешь: жить или не жить.

Звери внутри довольно облизываются. Мы соскучились по движению.

— Всё пучком, девочки, — бормочу я, поглаживая руль.

И тут телефон издает сигнал.

Я смотрю на экран. Неизвестный номер.

Сообщение короткое, без подписи:

«Хлоя Миллер.

1734, Провиденс-стрит, Бруклин.

Квартира 3В»

Я пялюсь на эти слова, пытаюсь понять, кто их отправил. Джекс? После всего, что было, он решил добить меня порцией полезной информации?

Марк, пытающийся загладить вину?

Или кто-то третий, кого я пока не вижу в этой шахматной партии?

И главное — Хлоя.

Хлоя Миллер. Девушка, которая, по словам Джекса, пыталась подобраться к Джону. Девушка, которая, подобралась к Сильвану ближе всех. Девушка, которая перед финальной операцией с Сильваном вела себя подозрительно. Её молчаливое присутствие в комнате для брифингов, её взгляд, который я списала на профессиональное любопытство... Теперь всё это складывается в очень неприятную картину.

Мои звери внутри переворачиваются, имитируя рвотные позывы.

Из всех людей, с которыми мне предстоит говорить, эта кукла с глазами лани вызывает наименьшее желание. Она из тех женщин, которые улыбаются тебе в лицо, пока прикидывают, как бы воткнуть нож в спину. Я таких за версту чую.

Но сообщение... оно пришло не случайно.

Кто-то хочет, чтобы я с ней поговорила. Кто-то, кто знает, где она живёт. Кто-то, кто знает, что мне это нужно.

— Ну и что вы думаете? — спрашиваю я зверей.

Они молчат. Принимаются. Оценивают.

— Ладно, — говорю я вслух, советуясь с ними. — Допустим, я поеду. И что дальше?

Звери пожимают плечами. Они хороши в погонях, но в логистике пока слабоваты.

Я смотрю на адрес. Провиденс-стрит, Бруклин. Не самый

приятный район. Далеко от цивилизации, далеко от полиции, далеко от всего. Отличное место, чтобы спрятаться. Или чтобы заманить в ловушку.

Выбора особо нет. Джекс сказал достаточно, чтобы я понимала: Хлоя часть этой мозаики. Часть истории с Джоном. Часть того, что происходит сейчас. Если я хочу знать правду, мне придётся сунуть нос в осиное гнездо.

Я набираю адрес в навигаторе. Maserati вежливо сообщает, что до места сорок пять минут без учёта пробок. С пробками часа полтора. Движение в Бруклине в это время дня даже хуже, чем в Манхэттене.

— Зато у меня теперь есть время подумать, что я скажу этой сучке, — бормочу я, выруливая из переулка.

Навигатор прокладывает маршрут в обход основных трасс. Умный мальчик. Я выжимаю газ и сновавливаюсь в поток.

Машина послушно рычит, вжимая меня в кресло. Адреналин после погони ещё не выветрился, пульс постепенно приходит в норму, но мысли о Хлое заставляют сердце снова ускоряться.

Интересно, она хоть представляет, что я с ней сделаю, если окажется, что она приложила руку к исчезновению Сильвана? Или к чему-то ещё более грязному?

Я усмехаюсь своим мыслям.

Бедная Хлоя. Даже не знает, что к ней едет не просто бывшая коллега. К ней едет Каталея Динарди, у которой сегодня

был очень, очень дерьмовый день. И которой нужно на ком-то оторваться.

— Держись, куколка, — шепчу я, вклиниваясь в поток машин на въезде в Бруклин. — Немезида уже в пути по твою душу.

Глава 7

**Иногда нужно умереть, чтобы начать жить.
— Пауло Коэльо**

Сейчас.

Бруклин, Провиденс-стрит.

10:15 утра.

Парковаться в этом районе — отдельный вид экстремального спорта. Узкие улицы, заставленные помойными баками, припаркованные в два ряда развалюхи, которые, судя по виду, помнят ещё семидесятые, и полное отсутствие свободных мест.

Я бросаю Maserati в зоне погрузки, наплевав на правила. Пусть только попробуют эвакуировать машину с дипломатическими номерами, которые я оформила за дополнительные пятнадцать тысяч. У Динарди везде есть знакомые, даже в департаменте транспорта Нью-Йорка.

Выхожу и оглядываюсь. Район хуже не придумаешь. Обшарпанные многоквартирники с пожарными лестницами, которые, кажется, рухнут от первого же порыва ветра. Граффити на каждом свободном сантиметре стен. Подозрительные личности, кучкующиеся у подъездов. Запах мочи, дешё-

вого фастфуда и безнадёги.

И здесь живёт Хлоя Миллер?

Я смотрю на экран телефона, сверяясь с адресом. 1734, Провиденс-стрит. До невозможности облезлое здание с облупившейся краской и дверью, которую, судя по следам, несколько раз пытались взломать.

— Ну и ну, — бормочу я, перешагивая через лужу неизвестного происхождения. — Либо Джекс и правда платит ей копейки, либо Хлоя одна из тех девиц, что спускают все деньги на бредовое шмотье, а потом живут впроголодь.

Поднимаюсь на крыльцо, дёргаю дверь. Закрыто. На кодовом замке набираю наугад несколько комбинаций — бесполезно. Тогда просто жму на все кнопки подряд, изображая курьера, который забыл код. Через минуту внутри раздаётся раздражённый щелчок, и дверь открывает какая-то старуха с лицом, которое видело лучшие времена ещё до того, как я родилась.

— Вам кого? — бурчит она, подозрительно меня оглядывая.

— Я к Хлое Миллер, — отвечаю я максимально дружелюбно. — Она ждёт.

Старуха фыркает, но пропускает. Видимо, к Хлое тут ходят нечасто, раз любой визитер это событие.

Поднимаюсь на третий этаж. Лестница воняет кошками и сыростью, ступени скрипят так, будто вот-вот провалятся. Квартира 3В оказывается в конце коридора, дверь обита

дерматинном, из-под которого торчат клочья ваты.

Я стучу.

Тишина.

Стучу ещё раз, громче.

За дверью слышится какая-то возня, потом приглушённый голос:

— Кто там?

— Хлоя, открывай. Это Кая.

Молчание. Потом щелчок замка, и дверь приоткрывается ровно настолько, чтобы я могла увидеть один глаз, обрамлённый спутанными волосами цвета красного дерева.

— Кая? — голос звучит испуганно и удивлённо одновременно. — Ты зачем ты пришла?

— Открой дверь. Я не кусаюсь. Обычно.

— Нет, уходи. Нечего тебе тут делать.

Она уже собирается захлопнуть дверь прямо перед моим носом, но я успеваю выставить ногу, мешая ей запереться.

— Я просто хочу поговорить.

Пассивно-агрессивное молчание было мне ответом.

— Убирайся, Кая, — сдавленно произносит она.

— Ты обязательно должна быть такой сукой?

— Кто-то же должен быть.

Я наиграно тяжело вздыхаю.

— Хлоя, если ты не откроешь грёбанную дверь, я выломаю её через пять секунд. Четыре. Три

Хлоя колеблется ещё секунду, потом дверь открывается

шире, и я вхожу внутрь.

И замираю.

Не только от насыщенного запаха розы с перцем в воздухе, что бьёт в под дых, но и от открывшегося перед глазами зрелища.

Это малюсенькая студия, где кухня совмещена с гостиной и спальней настолько тесно, что повернуться негде. Обшарпанная мебель, которая, кажется, старше нас двоих вместе взятых. Диван с продавленными подушками. Стол, заваленный бумагами и пустыми чашками из-под кофе. Окно выходит в маленький тёмный проулок, так что даже днём здесь царит полумрак.

И везде — книги. Стеллажи, забитые до отказа. Стопки на полу. Горы бумаг, исписанных мелким почерком.

Хлоя стоит посреди этого хаоса, нервно теребя край растянутой футболки, но гордо задрав подбородок. На ней домашние штаны и тапки с зайчиками.

Тапки с зайчиками, боже мой.

Я смотрю на неё, потом на обстановку, потом снова на неё. В голове не укладывается.

— Хлоя, — говорю я медленно, — ты получаешь зарплату отДжексона?

— Получаю, — она сглатывает и взглядом пытается про-
сверлить во мне дыру.

— И сколько он тебе платит?

Она молчит, закусывает губу. Потом выпаливает:

— Двести тысяч в год. Плюс бонусы за успешные операции.

Я моргаю. Двести тысяч в год. Это не просто хорошие деньги — это очень хорошие деньги. На них можно снимать приличную квартиру в Манхэттене, нормально питаться и одеваться. На них можно жить, а не существовать.

— И ты живёшь *здесь*? — я обвожу рукой эту богадельню.

Хлоя сжимает челюсти. Отворачивается, делая вид, что поправляет какие-то бумаги на столе.

— Я... мне здесь нравится. Тихо. Никто не мешает.

— Тебе здесь нравится? — переспрашиваю я, не веря своим ушам. — Хлоя, тут даже мыши повесились бы от тоски.

Она молчит. И в этом молчании я начинаю понимать что-то очень важное.

Хлоя не дура. Она хитрая, умная девушка, которая подобралась к Джону и к Сильвану ближе, чем кто-либо. У неё есть талант, которым Джексон дорожит настолько, что держит её на особом контракте, позволяя работать под своим именем — единственной из всех.

Но она живёт в этой дыре. Почему?

Я смотрю на неё внимательнее. Затравленный взгляд, нервные жесты, руки, которые постоянно чем-то заняты: то теребят футболку, то перекладывают бумаги, то сжимаются в кулаки. Она похожа на человека, который тонет и не может позвать на помощь.

— Хлоя, — говорю я тише, — ты в порядке?

Она дёргается, будто я ударила её.

— В порядке. У меня *всё в порядке*. Ты зачем пришла?

Я сажусь на край продавленного дивана, игнорируя пружину, которая впивается в бедро.

— Я пришла за ответами. О Сильване. О том, что случилось. И мне сказали, что ты можешь помочь.

— Кто сказал? — она напрягается.

— Неважно. Важно другое: Джексон рассказал мне про Джона. Про то, что вы охотились на него. Ты и Клара... Про то, что ни у кого не вышло с ним справиться. Ну... кроме меня.

Хлоя бледнеет. Садится на стул напротив, обхватывая себя руками.

— Это было давно, — шепчет она.

— Мне плевать, когда это было. Мне важно, что ты знаешь. И я хочу, чтобы ты поделилась.

Хлоя так долго молчит, что я начинаю слышать, как за стеной работает телевизор у соседей.

— Ты не понимаешь, — наконец говорит она. — Если я расскажу... он меня убьёт.

— Джексон?

— Не Джексон. — Она поднимает на меня глаза, и в них такой страх, что у меня холодеет внутри. — Те, кто стоит за ним.

— Кто они?

Хлоя качает головой.

— Я не могу сказать. Не сейчас.

Я смотрю на неё и понимаю, что она говорит правду. Таковую правду, от которой у самой меня кровь стынет в жилах.

— Хлоя, — я наклоняюсь ближе, — ты боишься их настолько, что живёшь здесь? В этой дыре, где даже воры не появляются, потому что брать нечего?

Она горько усмехается.

— Ты не понимаешь.

— Так просвети меня.

Она поднимает на меня свои медовые глаза, стараясь не пролить слезу.

— У меня нет выбора.

Я смотрю на неё и вижу человека, который раздавлен собственным демонами. Умного, хитрого, талантливого, но парализованного. Неспособного сделать шаг, даже когда жизнь висит на волоске.

И впервые за всё время что-то внутри меня оттаивает по отношению к ней. Я всё ещё не доверяю ей ни на грош. Но теперь я хотя бы понимаю, почему она такая.

— Ладно, — говорю я твёрдо. — Я не прошу тебя изливать мне душу. Я прошу тебя рассказать про Сильвана. Он жив?

Она глубоко, почти судорожно вдохнула и распрямила спину, гордо задрав подбородок. Словно подняла щит, готовясь к моему удару.

— Судя по анализам крови, которые Организация собра-

ла из номера в «Ла Съенеге», Сильван не пострадал. То была не его кровь.

— А чья?

— Не удалось установить, — Хлоя безразлично повела плечом, будто речь шла о погоде или о ценах на кофе.

— Значит, он жив?

— Вероятно.

— И где он? Что с ним сделала Организация? Что с ним сделала *ты*?

— Я бы не сделала ничего, что могло бы навредить Сильве.

Я тяжело вздыхаю и откидываясь на спинку дивана.

Она как бы и отвечает на мои вопросы, но при этом не даёт мне ясного ответа. Язык тела, уклончивые формулировки — классика жанра «я ничего не скажу, но и не совру». Танцы на минном поле в исполнении профессиональной лгуни.

Хлоя долго смотрит на меня, словно пытается зрительно передать какую-то мысль. Я выгибаю бровь, ни хрена не понимая в этом безмолвном разговоре. Тогда она вздыхает, встаёт, подходит к одному из стеллажей и достаёт потрёпанную папку.

— Я не знаю, где он, но могу подсказать, где тебе искать.

— Она возвращается и кладёт папку на колени. — Садись удобнее. Это долгая история.

Я устраиваюсь на диване, чувствуя, как звери внутри настораживаются.

— Я слушаю. И не советую тебе врать.

Она криво усмехается.

— Врать тебе, Кая? С ума сошла? Я жить хочу.

Хлоя протягивает мне папку. Я беру её в руки, чувствуя, как под пальцами шуршит потрёпанный картон. Открываю и тут же замираю.

Внутри документы. Старые, выцветшие, но аккуратно подшитые и рассортированные. Фотографии. Вырезки из газет. Официальные бланки с печатями.

Я узнаю их мгновенно.

Те же самые файлы, что я обнаружила в сейфе Дарелла, когда временно жила в поместье Сильвана. Досье на семью Ричардсонов. На Магнуса, Элиану, Натаниэля и Сильвана. Фотографии счастливого семейства на отдыхе, на поле для гольфа, за обеденным столом и на фоне яхты. И, отдельно, снимки той самой яхты «Кассандра», которая затонула и унесла их жизни.

Я перелистываю страницы, и сердце пропускает удар. Здесь больше, чем было у Дарелла. Намного больше.

Натаниэль Ричардсон.

Сводный брат Сильвана. Тот, чьё фото отсутствовало в документах у Дарелла. Здесь его тоже нет, но зато есть куча документов. Школьные отчёты. Табели успеваемости. Отличные отметки, особенно по математике и информатике. Заметки учителей:

«Исключительные способности»,

«Одарённый ребёнок»,

«Рекомендуется углублённое изучение программирования».

Дальше — медицинские заключения. С самого детства слабое здоровье, постоянные наблюдения, рекомендации щадящего режима. Хобби — водное поло, но из-за состояния здоровья заниматься профессионально не разрешали. И приписка, от которой у меня мурашки по коже:

«Обучение преимущественно онлайн. Редко появляется на публичных мероприятиях».

Я поднимаю глаза на Хлою.

— Не выглядишь особо удивлённой, — замечает она. — Мне пришлось изрядно поднапрячься, чтобы раздобыть эти досье. Никто не знает, что они у меня. И не должен узнать.

— Я уже видела похожие документы, — признаю я. — У Дарелла. В поместье Сильвана. Но там было меньше информации.

Хлоя кивает, будто ожидала этого.

— Очевидно, Дарелл собирает всё, что связано с семьёй Ричардсонов. Но у него нет доступа к некоторым источникам. А у меня... — она замолкает, подбирая слова, — у меня есть свои каналы.

Я смотрю на неё, пытаюсь понять, что за игру она ведёт. Но Хлоя выглядит серьёзной. Напуганной, но серьёзной.

— Здесь есть кое-что ещё, — говорит она тихо. — То, о чем я не решалась никому сказать.

Она протягивает руку и перелистывает несколько страниц. Останавливается на документе: бланк, какие-то подписи, печати.

— Что это? — спрашиваю я.

Хлоя глубоко вздыхает.

— Это свидетельство о рождении Сильвана.

Я вглядываюсь в бумагу. Имя матери — Элиана Мария Ричардсон, урождённая Вега. Имя отца — Магнус Джордж Ричардсон. Место рождения — частная клиника в Цюрихе. Дата — один в один с официальной версией.

— Я не понимаю, — говорю я. — Это же просто дубликат.

— Посмотри на дату регистрации.

Я смотрю. Дата регистрации — спустя двенадцать лет после рождения Сильвана.

— Всё верно. Его усыновили Ричардсоны, когда ему было двенадцать. Что не так?

— А теперь смотри сюда.

Хлоя переворачивает страницу в файле и указывает на порванный и склеенный вместе кусок бумаги, которая выглядит старше остальных. Края обгоревшие, словно кто-то вытащил её из огня.

Это тоже свидетельство о рождении Сильвана. Все строчки в нём совпадают, кроме двух.

В графе «мать» другое имя. Аника Веласкес.

Дата регистрации документа совпадает с днём рождения Сильвана. Не через двенадцать лет, а в тот самый день.

В графе «отец» то же имя. Магнус Джордж Ричардсон.

В голове что-то щёлкает. Громко, отчётливо, будто спусковой крючок.

— Этого не может быть, — шепчу я.

— Может, — Хлоя смотрит на меня с каким-то странным выражением из смеси страха и торжества. — Сильван — не приёмный сын Магнуса Ричардсона, Кая. Он его родной сын. Не от законной жены, а от любовницы. Просто Магнус не знал о его существовании больше десяти лет.

Я снова откидываюсь на спинку дивана, чувствуя, как мир уходит из-под ног.

Сильван — настоящий Ричардсон. Не детдомовский мальчик, которого подобрали из жалости. Не сирота, которому улыбнулась удача. А родная кровь, законный наследник, которого мать скрывала от отца, а затем и сама бросила в доме малютки.

— Как... почему? — выдавливаю я.

Хлоя пожимает плечами.

— О матери Сильвана мне мало что удалось найти. У них с Магнусом был роман. Короткий, тайный. Когда она забеременела, Магнус уже был женат на Элиане, и у них рос Натаниэль. Видимо, Аника решила не разрушать семью. Уехала, родила в Швейцарии, подписала бумаги на отказ и оставила ребёнка в приюте. А через одиннадцать лет, Магнус каким-то образом узнал правду.

— Но официальная версия...

— Официальная версия — это официальная версия. — Хлоя криво усмехается. — Магнус был достаточно богат и влиятелен, чтобы сделать всё красиво. Усыновление, новые документы, новая легенда. Никто не задавал вопросов. А через несколько лет, когда яхта затонула, оказалось, что Сильван, приёмный сын, единственный живой наследник. Никто не копал глубже.

Я молчу. Перевариваю.

Звери внутри замерли в полной тишине. Даже они в шоке.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — наконец спрашиваю я. — Чем тебе поможет то, что я это узнаю?

Хлоя смотрит на меня долгим взглядом.

— Потому что я думаю, что исчезновение Сильвана связано с этим. Кто-то узнал правду. Кто-то, кому это было выгодно. И если ты хочешь найти его, тебе нужно понять, кто этот кто-то.

— У тебя есть версии?

Она медлит. *Слишком медлит.*

— Хлоя.

— Есть, — выдыхает она. — Но ты должна пообещать, что прикроешь меня. Что бы ни случилось.

Я смотрю в её затравленные глаза и понимаю: она не шутит. Она действительно боится. До дрожи, до холодного пота, до этого жалкого существования в бруклинской дыре.

— Обещаю, — говорю я. — Но если ты соврёшь...

— Я не совру. — Она перебивает меня, проявляя твёр-

дось. — Клянусь, Кая. Не совру.

— Тогда говори.

Хлоя делает глубокий вдох.

— Натаниэль Ричардсон. Старший брат Сильвана. Тот, кого считают погибшим на яхте.

— Но он же был там. Он погиб вместе с родителями.

— Был? — Хлоя качает головой. — Посмотри на документы ещё раз. Слабое здоровье. Обучение онлайн. Редко появлялся на людях. А теперь скажи мне: кто-нибудь видел его вживую? Кто-нибудь может подтвердить, что он поднялся на борт яхты?

У меня холодеет внутри.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что я копала глубже. Натаниэль Ричардсон не появлялся ни на одном публичном мероприятии после девяти лет. Онлайн-обучение. Частные врачи с подписанными соглашениями о неразглашении. Единственные фотографии — детские, где лицо сложно разобрать. А теперь представь: если Натаниэль жив, кто он сейчас? И что он думает о младшем брате, который получил всё — имя, состояние, империю — после смерти родителей?

В комнате повисает такая густая тишина, что её можно резать ножом.

— Ты думаешь, Натаниэль похитил Сильвана? — спрашиваю я.

— Я думаю, что это одна из версий. — Хлоя откидывается

на стул. — А ещё я думаю, что ты единственная, кто может это проверить. Потому что у тебя есть то, чего нет у меня.

— Что?

— Доступ к его друзьям. — Она смотрит мне прямо в глаза. — Тот художник, Аларик, он терпеть меня не может, но знает больше, чем показывает. А Логан и Мелисса — друзья семьи Ричардсонов с давних времён. В досье много их совместных фотографий с Магнусом и Элианой. Если кто-то и знал правду о Натаниэле, то это они.

Я сжимаю челюсть. Не так-то просто будет заставить их рассказать мне хоть что-то личное. Если у них вообще есть это *что-то*.

— И как я, по-твоему, должна проверить это? — спрашиваю я. — Я ушла от Джекса, у меня больше нет тех возможностей для слежки и шпионажа. Без его хакеров мне даже собственные носки не найти, не то что информацию на людей, которые не светятся в соцсетях. А Марк может поцеловать меня в задницу.

— Марк не единственный технарь в мире, — саркастично замечает она.

— Но он лучший.

Хлоя фыркает и закатывает глаза. Кажется, у неё личная неприязнь к Марку. Берём на заметку.

— Лучший среди тех, кого ты знаешь, — поправляет она. — А мир, Кая, немного больше твоей песочницы.

— И что ты предлагаешь? Найти хакера по объявлению в

газете? «Требуется гений киберпреступности, оплата хорошая, риск смерти высокий, в резюме указать опыт взлома правительственных баз»?

Хлоя усмехается. Впервые за весь разговор в её глазах мелькает что-то похожее на азарт.

— Есть места, где ищут таких людей. Даркнет, закрытые форумы, чаты с многоуровневой проверкой. Я знаю пару ресурсов. Там можно найти специалистов любого профиля. От студентов-вундеркиндов до бывших сотрудников АНБ.

— И ты думаешь, они согласятся работать на меня?

— Если заплатишь, то согласятся. — Хлоя пожимает плечами. — У всех есть цена. Главное найти того, кто не сдаст тебя при первой же опасности.

— И как я это проверю? Пробная взятка?

— Рекомендации, — просто отвечает она. — В этих кругах всё держится на репутации. Я могу свести с тем, кто выведет тебя на нужного человека. Дальше сама.

Я смотрю на неё с новым интересом.

Кто бы мог подумать, что у Хлои, живущей в этой дыре, есть такие связи?

— А ты? — спрашиваю я. — Почему ты сама этим не пользуешься?

Она отводит взгляд.

— Организация следит за каждым моим шагом, — тихо говорит она. — Если меня снова поймают... — она сглатывает, — ещё раз я вряд ли такое переживу.

В её голосе столько горечи, что мне становится не по себе. Решаю не задавать лишних вопросов, видя, в какую тьму погрузились её глаза. В конце концов, Сильван пропал с моей подачи. Мне это и расхлёбывать.

Я встаю с дивана.

— Ладно. Допустим, я найду хакера. Что дальше?

— Дальше ты выяснишь, где сейчас Натаниэль Ричардсон. Если он жив, он где-то оставил след. Цифровой, финансовый, любой. Хакер найдёт.

— А если не найдет?

— Тогда искать того, кто знал его при жизни.

Мы смотрим друг на друга. В её глазах плещется страх и что-то ещё, что мне не удаётся уловить до конца.

— Ладно. Спасибо за информацию.

— Обращайся. И... будь осторожна.

— Не в моём характере.

Она поджимает губы и коротко кивает.

— Тогда удачи.

Я снова смотрю на документы. На лицо Сильвана на старой фотографии. На порванное свидетельство с именем Аники Веласкес. На пустоту там, где должен быть Натаниэль.

Звери внутри скалятся.

Охота начинается.

Глава 8

**Во всяком деле, чтобы добиться успеха,
нужна некоторая доля безумия.**

— Уильям Шекспир

Сейчас.

Майами. Частный особняк.

9 вечера.

Три дня.

Три дня ушло на то, чтобы найти нужного человека, договориться о его гонораре и получить крохи нужной мне информации.

Хлоя сдержала слово — вывела меня на контакт в даркнете. Дальше пришлось действовать самой. Торговаться, проверять, снова торговаться и наконец-то получить доступ к человеку, который представился как «Винтер». Ни имени, ни лица, только аватарка с белым волком и репутация, от которой у нормальных хакеров должны были бы отвиснуть челюсти.

Мы списались в зашифрованном чате, который самоуничтожался через час после разговора. Я объяснила задачу: найти любые цифровые следы Натаниэля Ричардсона

за последние семь-восемь лет (с момента, когда пошла ко дну «Кассандра»). Финансовые операции, логины, выходы в сеть, покупки, перемещения — всё, что может выдать живого человека.

Винтер долго молчал. Потом написал:

*«5000. Половина сейчас, половина когда найду.
Если не найду, предоплата не возвращается».*

Я перевела деньги. И стала ждать.

Ответ пришёл через сутки. Короткий и сухой, как отчёт патологоанатома:

*«Ничего. Ноль цифровых следов за последние 7 лет.
Последней активностью было снятие всех наличных
со счетов на его имя и их последующее закрытие 8 лет
назад.*

Либо мёртв, либо очень хорошо прячется.».

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри разрастается холод.

Ничего.

Как будто Натаниэль Ричардсон действительно исчез с лица земли в тот день, когда затонула «Кассандра».

Но Винтер не был бы профи, если бы не добавил постскриптум:

«Есть кое-что другое. Логан и Мелисса Уэстон.

Друзья семьи Ричардсонов, что опознавали их тела после кораблекрушения.

Получили приглашения на закрытое мероприятие в особняке в Майями и уже приобрели билеты бизнес-классом на сегодняшний рейс.

Список гостей закрытый, но в приглашении указан дресс-код casino chic.

Если хочешь поговорить с ними, лучше места не придумывать.

Адрес скинул отдельным файлом».

Я улыбнулась.

Вот за что я люблю профессионалов. Они всегда дают больше, чем просишь.

После разговора с Винтером я сразу же залезла в приложение авиакомпании. Ближайший рейс Нью-Йорк — Майями вылетал через четыре часа. Этого времени как раз хватило, чтобы домчать до аэропорта, бросить Maserati на долгосрочной парковке — пусть постоит, королева заслужила отдых — и успеть на посадку.

Бизнес-класс, виски со льдом, пара часов в телефоне, и я уже в Майями, где меня ждёт такси до отеля и пара часов, чтобы привести себя в порядок перед вечером. Душ, макияж, укладка, и вот я снова человек. Ну, или что-то около то-

Особняк оказался ещё роскошнее, чем я представляла. Трёхэтажный дом в неоклассическом стиле, с колоннами, мраморными львами у входа и пальмами вдоль подъездной аллеи, по которой мог бы проехать танк. Бассейн, в котором отражаются огни города, будто Майами решило устроить конкурс «кто больше потратит на иллюминацию». Это архитектурная демонстрация того, что деньги могут всё.

Вереница такси, лимузинов и «роллс-ройсов» выстроилась в ряд у входа. Из них выходят дамы в бриллиантах и мужчины в смокингах. Я смотрю на это всё и думаю: интересно, сколько из них на самом деле при деньгах, а сколько взяли напрокат последнюю рубашку, чтобы просто попасть внутрь и понюхать чужую роскошь?

Моё бизнес-такси высадило меня прямо у входа. Водитель открыл дверь и даже слегка поклонился, видимо, чаевые были действительно щедрыми. Или он просто испугался, что я

передумаю и попрошу сдачу.

Шёлк чёрного платья в пол обтекает мою фигуру как вторая кожа, глубокий вырез на спине спускается до самого копчика. Достаточно вызывающе, чтобы привлекать взгляды, и достаточно элегантно, чтобы не выглядеть дешёвкой.

Волосы уложены в небрежные локоны, макияж а-ля «я ничего не делала, просто такая красивая», хотя на самом деле я потратила час перед зеркалом в отеле, проклиная всё на свете и перекрашивая стрелки в четвёртый раз.

В клатче лежат телефон, помада и маленький дерринджер на случай, если разговор пойдёт не по плану. Две пули. Одна — для врага, вторая — тоже для врага. Я не настолько безумна, чтобы умирать молодой и богатой.

У входа стоит фейсконтроль. Двое вышибал с лицами профессиональных боксёров, которые, кажется, никогда не улыбались, даже в детстве. Проверяют приглашения.

Я протягиваю пластиковую карточку с голограммой. Подделка, которую Винтер сделал за отдельную плату и заверил, что она пройдёт любую проверку.

Один из вышибал сканирует код, смотрит на экран, потом на меня. Снова на экран. Я уже мысленно перебираю варианты отступления, но тут его лицо расслабляется.

— Мисс... — он сверяется с данными, — Валентина Кроуфорд?

— Собственной персоной, — улыбаюсь я самой обезоруживающей улыбкой.

Он кивает, пропуская. Второй даже не смотрит в мою сторону, он занят разглядыванием какой-то блондинки в платье, которое скорее отсутствует, чем присутствует.

Я вхожу внутрь и на секунду замираю.

Первый этаж особняка превращён в настоящее казино. Рулетки, столы для покера и блэкджека — всё по-взрослому. Дилеры в идеальных смокингах, крупье с профессиональными улыбками, фишки, которые звенят так аппетитно, будто это не пластик, а чистое золото. Вдоль стен расположены бары с шампанским и коктейлями. В воздухе висит густой запах азарта и дорогого алкоголя, смешанный с дорогим парфюмом и чужими надеждами на лёгкую наживу.

Гости одеты соответственно: женщины в сверкающих платьях, мужчины в смокингах. Многие в масках, видимо, дань какой-то теме. Казино-нуар с налётом венецианского карнавала. Или просто способ скрыть похмелье и стыд за проигрыш.

Публика тут самая разношёрстная. У рулетки стоит какой-то политик, чьё лицо я помню по новостям. Кажется, его недавно ловили на взятках, но он как-то выкрутился. За покерным столом сидит пара тёмных дельцов, которых Джексон когда-то показывал в досье. В углу, потягивая шампанское, расположилась известная актриса с молодым спутником, который явно младше её сына. Она смотрит на него с такой нежностью, будто это её последний шанс на личное счастье. Или просто последний шанс доказать, что она ещё

ого-го.

Идеальное место для людей, которые хотят выглядеть впечатляюще, но при этом пообщаться с теми, с кем при свете дня не поздороваются.

Я беру бокал шампанского с подноса проходящего официанта. Пить его я, конечно, не планирую, *боже упаси*. Но бокал в руке это отличная маскировка. Все думают, что ты расслаблена, пьёшь, никуда не спешишь. А ты просто используешь его как перископ, чтобы сканировать людей.

Скольжу в толпу, как нож в масло под **Can't Stop Winning - SATV Music**, что играет из динамиков под потолком. Моя цель — Логан и Мелисса. По информации Винтера, они должны быть здесь. Логан — заядлый игрок, Мелисса обожает светские мероприятия. Превосходное совпадение.

Проходит минут двадцать, прежде чем я замечаю их.

Логан стоит у стола с рулеткой, сосредоточенно наблюдая за вращающимся колесом. Высокий, седовласый, с идеальной осанкой человека, который всю жизнь провёл в дорогих костюмах и залах для переговоров. Мелисса рядом с ним — элегантная брюнетка в тёмно-синем платье, с бриллиантами в ушах. Она смотрит на него с той особой преданностью, которая бывает только у жён, давно привыкших быть тенью своих мужей.

Или это любовь.

Хотя мне-то откуда знать, как выглядит любовь?

Я подхожу ближе, но не вплотную. Встаю у соседнего сто-

ла, делая вид, что изучаю ставки. Жду удобного момента.

Логан проигрывает. Усмехается, пожимает плечами и уходит от стола. Мелисса касается его руки, что-то шепчет. Они направляются в сторону бара.

Идеально.

Я перехватываю их у стойки, делая вид, что просто оказалась рядом.

— Логан? — говорю я с лёгким удивлением, будто только что заметила. — Мелисса? Какая неожиданность!

Логан оборачивается. В его глазах отражается вежливое недоумение человека, который пытается вспомнить, где видел это лицо, но пока безуспешно.

— Простите, мы знакомы?

— Кая, — представляюсь я, протягивая руку. — Мы встречались пару месяцев назад. У вас дома был ужин. С Сильваном, Алариком и Дареллом.

При упоминании Сильвана лицо Логана меняется. Совсем чуть-чуть — профессионалы старой школы умеют держать лицо. Но я замечаю. Лёгкое напряжение в челюсти, едва уловимое движение глаз. Мелисса тоже напрягается, хотя её улыбка остаётся идеальной. Слишком идеальной.

— Ах да, — Логан пожимает мою руку. — Конечно. Меня ввело в заблуждение... цвет твоих глаз. Я бы запомнил девушку с гетерохромией.

— Какое-то время я носила цветные линзы, — я безразлично повела плечом. — Стеснялась своего... недостатка.

— Зря, — подала голос Мелисса. — Твои глаза просто прелестны. Они притягивают взгляд.

— Спасибо. — Я улыбаюсь, хотя внутри усмехаюсь.

Прелестны.

Да, именно так я бы описала свои глаза, которые видели столько дерьма, что хватило бы на несколько жизней.

— Приятно снова тебя видеть, Кая, — говорит Логан, и в его голосе проскальзывает что-то похожее на искренность. Или просто хорошее воспитание.

— Взаимно. — Я беру новый бокал с подноса, отставляя старый нетронутый. — Великолепный вечер. Интересное место.

— Стараемся не скучать, — Мелисса улыбается, но в её глазах сквозит настороженность. — Ты одна?

— К сожалению, да. Мои спутники предпочли другие развлечения. — Я делаю глоток шампанского. *Отвратительно.* Где тут наливают джин? — Кстати, вы не видели Сильвана в последнее время? Он пропал куда-то, не отвечает на звонки.

Логан и Мелисса переглядываются. Этот взгляд длится долю секунды, но я ловлю его. Они что-то знают. Вопрос только, что именно.

— Мы тоже его не видели, — говорит Логан слишком осторожно. — Наверное, занят делами.

— Делами, — повторяю я с лёгкой усмешкой. — Да, наверное. Просто... странно. Обычно он не исчезает без предупреждения.

Мелисса открывает рот, чтобы что-то сказать. Я вижу это, она готова заговорить, готова сказать что-то важное. Её глаза метнулись к мужу, ища разрешения, и Логан, кажется, почти неуловимо кивает.

— Кая, — начинает она тихо, — есть кое-что...

И в этот момент словно из ниоткуда за моей спиной раздаётся голос. Низкий, бархатный, до мурашек знакомый.

— Какая неожиданная встреча.

Я замираю. Звери внутри вздыбливают шерсть и скалятся одновременно.

Дарелл.

Медленно оборачиваюсь. Он стоит в двух шагах от меня, одетый в безупречный чёрный смокинг, с бокалом виски в руке и той самой усмешкой на губах, от которой у меня всегда подкашиваются колени, сколько бы я себе ни твердила, что он опасен. Потому что правда опасен. И это знание почему-то не отталкивает, а притягивает, как магнит.

— Дарелл, — мой голос звучит ровно, хотя внутри всё кипит. — Какими судьбами?

— Теми же, что и ты, — он переводит взгляд на Логана и Мелиссу. — Логан, Мелисса, надеюсь, не помешал?

— Что ты, конечно нет, — Мелисса выдавливает улыбку, но она натянута, как струна перед разрывом. Логан молчит, но я чувствую, как изменилась атмосфера. Воздух вокруг сгустился, стал почти осязаемым. Дарелл здесь не просто гость. Он здесь, чтобы контролировать ситуацию.

— Я как раз собиралась задать пару вопросов своим любезным собеседникам, — говорю я, не сводя с него глаз. — О Сильване.

— О Сильване? — Дарелл поднимает бровь, и в его глазах мелькает что-то похожее на насмешку. — Странное место для расспросов. Здесь даже рулетка честнее, чем некоторые люди.

Он смотрит на Логана с намёком, от которого тот заметно бледнеет. Интересно, что между ними? Долги? Общие тайны? Или просто старые счёты, о которых я ничего не знаю?

Затем его синие бездны обрушиваются на меня. Мы смотрим друг на друга. В его глазах переливается вызов и лёгкое веселье. Он знает, что я раскусила его игру. Знает, что я понимаю: он здесь не случайно. И ему это нравится. Ему нравится играть со мной в кошки-мышки, где роли постоянно меняются.

Логан кашляет.

— Дорогие друзья, мы, пожалуй, пойдём... Здесь становится слишком многолюдно.

— Не смею задерживать, — Дарелл даже не смотрит в их сторону.

Мелисса и Логан переглядываются и растворяются в толпе быстрее, чем шампанское в бокалах у алкашей на бесплатном фуршете. Я даже не успеваю сказать им ни слова на прощание. Дарелл просто стёр их своим появлением, как ластик стирает карандаш.

Я остаюсь с Дареллом один на один в этом море чужих лиц.

— Ты следил за мной, — говорю я тихо.

— Я нашёл тебя, — поправляет он, беря меня под локоть и уводя от бара в сторону тихой зоны. — Это разные вещи.

— Для кого как.

Мы останавливаемся у колонны, в относительном уединении. Он отпускает мою руку, но продолжает смотреть так, будто я — единственное, что имеет значение в этой комнате. Будто вокруг не десятки людей, а пустой зал.

— Зачем ты здесь?

— Ищу Сильвана. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Что ты с ним сделал?

— Я никогда не причинил бы ему вреда. — Спокойно, уверенно, без тени сомнения он делает глоток виски.

Где-то я уже слышала что-то подобное.

— О да, охотно верю. — Мои губы кривятся в усмешке.

— Я его телохранитель и отдал бы свою жизнь за его.

В таком случае ты крайне хреново справляешься со своей работой, — хочу выплюнуть я, но произношу другое:

— Почему же тогда твоя рубашка была в крови?

— А ты знаешь, чья это была кровь?

Если верить Хлое, то точно не Сильвана.

Дарелл сокращает расстояние между нами, делая шаг ко мне. Я инстинктивно пячусь назад и врезаюсь спиной в колонну. Холодный мрамор впивается в оголённые лопатки, но

я даже не чувствую этого. Всё моё внимание приковано к нему.

Я сама по себе высокая, плюс каблуки — достаю до уровня, когда большинству мужчин приходится смотреть на меня, задрав голову вверх. Но этот дьявол всё равно возвышается надо мной, как айсберг над тонущим кораблём. И, судя по всему, роль «Титаника» в этой сцене отведена мне.

Я так резко запрокидываю голову, чтобы смотреть этому придурку в глаза, что один из позвонков с хрустом встаёт на место. Больно, но я не морщусь. Не доставлю ему такого удовольствия.

Мне нечего ответить на его вопрос. Я и правда не знаю, чья кровь была на нём в тот злополучный день. Но и он не продолжает рассказ.

Я почему-то верю Дареллу. Возможно, я просто хочу ему верить. Верить, что он не причинил бы вреда своему начальнику — человеку, который доверил ему свою жизнь.

Мы продолжаем смотреть друг на друга, стоя в опасной близости. И в этой возникшей тишине больше смысла, чем в любых словах.

Когда я смотрю в его синие глаза, я вижу цвета, которых не существует в природе. Таких глубоких, таких бездонных, что кажется — ещё мгновение, и я провалюсь туда без остатка. Его горячее дыхание обжигает мои губы, а предательское тело выгибается навстречу, моля о его прикосновениях. Звери внутри замерли в напряжении, боясь спугнуть момент.

Из соседнего зала доносится взрыв смеха и звон фишек.

Это разрушает нашу маленькую сценку запретной магии. Лицо Дарелла отдаляется от моего, но лишь для того, чтобы его рука удобно устроилась на мраморе над моей головой. Он не отступает. Он просто даёт мне иллюзию пространства, оставаясь в нём главным.

— Я знаю, что ты была у Хлои. — Его голос звучит почти ласково. — Милая девушка. Смышленная, но с плохим вкусом в выборе знакомых.

Внутри всё леденеет.

— Откуда ты знаешь про Хлою?

— Я многое знаю. — Он улыбается, и от этой улыбки у меня мурашки по коже. — Например, что ты летела сюда рейсом American Airlines, сидела в кресле 2А и осталась недовольна выбором вин. — Он усмехается. — У тебя очень выразительное лицо, когда тебе не нравится вино.

— Ты всё-таки следишь за мной.

— Присматриваю. — Он пожимает плечами. — Тонкая, но важная разница.

— Тогда помоги мне узнать, где Сильван.

Дарелл молчит. Потом наклоняется ближе, загораживая своим огромным телом весь свет, весь мир, всю вселенную. Я чувствую запах виски и чего-то тёмного и опасного, что всегда идёт за ним по пятам.

— А что ты предложишь мне взамен? — шепчет он почти в самое ухо.

Я кладу ладонь на его грудь и пытаюсь оттолкнуть от себя. Именно *пытаюсь*. Потому что он даже не шелохнулся. С таким же успехом можно пытаться сдвинуть с места небоскрёб голыми руками.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться.

— О, я всегда в том положении. — Он выпрямляется и снова становится невозмутимым. — Просто пока ты этого не видишь.

— Дарелл.

— Каталея.

Он произносит моё имя, смакуя, прокатывая каждую букву на языке, будто пробует дорогое вино. И у меня мурашки бегут по коже, сколько бы я ни пыталась это контролировать.

Я хочу спросить, откуда он знает моё имя. Спросить прямо, в лоб, глядя в эти бездонные глаза. Но не могу. Не хочу быть в позиции вопрошающей. Пусть думает, что мне плевать.

— Если ты знаешь, где может быть Сильван, скажи. — Мой голос звучит твёрже, чем я себя чувствую. — Это не игра.

— Всё игра, принцесса. — Он допивает виски и ставит бокал на поднос проходящего официанта, даже не глядя в его сторону. — Вопрос только в том, по чьим правилам.

Он делает шаг назад. Один шаг, но расстояние между нами становится огромным, непреодолимым.

— Увидимся. И советую держаться подальше от рулетки.

Сегодня твоя удача не в духе.

— Откуда тебе знать? — бросаю я ему в спину.

Он останавливается. Медленно оборачивается. И в его глазах бушует та самая бездна, в которой я рискую утонуть.

— Я всегда знаю.

Дарелл исчезает в толпе так же внезапно, как появился. Растворился среди сверкающих платьев и смокингов, будто его и не было. Будто это всё мне привиделось.

Я остаюсь одна у колонны с бешено колотящимся сердцем и желанием то ли догнать его и придушить, то ли догнать и поцеловать. И этот выбор бесит больше всего. Потому что оба варианта плохие. И оба почему-то кажутся правильными.

Звери внутри скалятся, но в их рычании слышится что-то подозрительно похожее на мурлыканье. *Предатели.*

— Чтоб тебя, — шепчу я в пустоту.

Глава 9

Когда всех сильнее мы — кто отшатнется назад?

Когда веселее — кто валится наземь от хохота?

Когда мы дрянь дрянью — что они могут нам сделать?

— Артюр Рембро

Сейчас.

Майами. Частный особняк.

11 вечера.

После ухода Дарелла я ещё полчаса бродила по первому этажу, пытаюсь отыскать Мелиссу и Логана в надежде продолжить наш прерванный разговор. Я прохаживалась между столами, делая вид, что мне ужасно интересны покер, блэкджек и прочая мишура. Даже сделала ставку в рулетку, чтобы доказать дьяволу с синими глазами и себе самой, что с моей удачей сегодня всё в порядке.

Поставила всё на 25 — день моего рождения — чёрное.

И проиграла.

Блять.

Это просто совпадение. Совпадение, совпадение, *совпадение*. Если повторять это достаточно часто, может быть, даже

поверишь.

Я сделала ещё пару ставок за другими столами. Так, чисто для антуража. Проиграла пару сотен, выиграла пару сотен, осталась при своих. Скука смертная. Азарт — штука занятная, но только когда на кону стоит что-то большее, чем просто цифры на фишках.

В какой-то момент мне стало невыносимо душно. От запаха дорогого парфюма, от фальшивых улыбок, от этого бесконечного звона фишек. Я вышла на террасу, вдохнула влажный майамский воздух, смешанный с запахом океана.

Помогло. Немного.

А потом я заметила лестницу на второй этаж.

Обычно в таких особняках верхние этажи закрыты для гостей. Но сегодня дверь наверху была приоткрыта, и оттуда лился тёплый, приглушённый свет. Мягкий, золотистый, совсем не похожий на агрессивную иллюминацию казино внизу.

Среди гостей на первом этаже Мелисса и Логан мне так и не попались. Быть может, они ушли наверх? Быть может, мне удастся разговорить их в менее людном месте?

Любопытство не порок, а мой двигатель. Я оглянулась, убедилась, что никто не смотрит, и скользнула вверх по лестнице.

Коридор второго этажа утопал в полумраке. Только из-под одной двери пробивался тот самый тёплый свет и слышались приглушённые голоса: мужской смех, женский смех,

звон бокалов.

Я подошла ближе. Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы можно было заглянуть внутрь, оставаясь незамеченной.

Большая комната, обставленная с той небрежной роскошью, которая бывает только у людей, выросших с деньгами и не думающих о них каждую секунду. Глубокие кожаные кресла, низкий столик, заставленный бутылками, и компания, от вида которой у меня внутри всё сжалось.

Я узнала их мгновенно, хоть и встречала лишь единожды на скачках, куда меня приглашал Сильван. Это было до его исчезновения. До того, как я убила Грегори Лоуэна. До того, как те громы ворвались в мою квартиру.

Боже, это было словно в другой эре.

Тёмноволосый Ноа, с ямочкой на подбородке, от которой у девушек слетают трусики, расслабленно сидел в кресле с бокалом виски в руке и чему-то улыбался.

Слева от него расположился Стефан. Рядом с ним любой бог с Олимпа показался бы недоделанной статуей. Каштановые волосы, идеальные черты лица, глаза, в которых плескалась ленивая уверенность человека, которому всё в этой жизни даётся легко.

А у окна, полуотвернувшись, с бокалом в руке стоял Дарелл и смотрел куда-то в ночь. Даже со спины он выглядел как хищник, загнанный в клетку, но делающий вид, что ему тут нравится.

На коленях у Ноа сидела девушка. Потрясающе красивая, с длинными чёрными как ночь волосами и губами, которые явно знали толк в дорогой помаде. Она что-то шептала ему на ухо, и он смеялся тем особенным смехом, которым смеются мужчины, когда чувствуют себя на вершине мира.

Компания явно чувствовала себя здесь как дома.

И тут Стефан поднял глаза и посмотрел прямо на дверь. Прямо на меня.

— О, у нас гости, — сказал он с лёгкой усмешкой, и в его голосе не было ни капли удивления. Будто он ждал, что кто-то появится. Будто я была здесь желанным гостем.

Все головы повернулись в мою сторону.

— Не стой в дверях, заходи, — Стефан сделал приглашающий жест. — Мы не кусаемся. Ну, почти.

Я шагнула внутрь, чувствуя на себе четыре пары глаз. Дарелл даже не обернулся, но я знала: он видит меня краем глаза, кожей, той хищной интуицией, которая не подводит ни его, ни меня.

Ноа всмотрелся в моё лицо, и его улыбка стала шире.

— Кая, — сказал он, и в его голосе послышалось узнавание. — Мы знакомы. Встречались где-то с месяц назад... — он замолк, всматриваясь внимательнее, и вдруг нахмурился. — Хотя постой. Что-то не так. Раньше у тебя были... голубые глаза?

Я усмехнулась. Мои звери довольно потянулись.

Да начнётся игра.

— Были, — ответила я с лёгким сарказмом. — Знаешь, как это бывает: экспериментируешь в жизни, то линзы цветные носишь, то в мукада влюбишься, то ещё что. Сейчас вот решила показать миру своё истинное лицо. — Я повела плечом. — Буквально.

— Гетерохромия, — подал голос Стефан, и в его глазах мелькнул профессиональный интерес. — Редкая штука. Красивая.

— Спасибо, — я улыбнулась самой своей очаровательной улыбкой. — Приятно, когда твои генетические отклонения ценят по достоинству.

Я не стала вдаваться в подробности, *как именно* заработала гетерохромию. Не хотелось разрушать их весёлую обстановку рассказами о жутком бывшем муже, аварии и последующей операции, в которой мой правый глаз удалось спасти не иначе как чудом.

Девушка на коленях у Ноа захихикала, но как-то напряжённо. Она явно не понимала, кто я и почему эти двое так легко со мной общаются. Быть украшением — это её место, а тут появилась конкурентка.

Я села в свободное кресло, игнорируя Дарелла так же старательно, как он игнорировал меня.

— Чем занимаетесь? — спросила я, обводя взглядом комнату.

— Да вот, решаем, как разнообразить вечер, — Ноа откинулся в кресле, девушка на его коленях тут же прильну-

ла теснее. — Обычные игры уже надоели. Хочется чего-то... остренького.

— Например? — я подняла бровь.

Стефан переглянулся с Ноа. Тот едва заметно кивнул.

— Русская рулетка, — сказал Стефан просто, будто предложил сыграть в покер. — Есть пистолет, есть пуля, есть барабан. Крутишь — стреляешь. Адреналин гарантирован.

Я смотрела на них и пыталась понять, шутят они или нет. По их лицам ничего нельзя было прочесть, в них явно читались только лёгкий азарт и предвкушение.

— И во сколько стволов игра? — спросила я максимально будничным тоном.

— В два, — ответил Ноа. — Пуля в одном из шести патронов в каждом. Крутишь барабан, стреляешь. Если повезло, то передаёшь следующему. Если нет... — он пожал плечами. — Врачи внизу есть. Надеюсь.

— А стреляете куда?

— В руку, — Стефан усмехнулся. — Мы не самоубийцы, Кая.

— Мы слишком молоды и богаты, чтобы умирать, — улыбнулся Ноа.

Я улыбнулась в ответ, ведь недавно говорила себе то же самое.

— Просто любим пощекотать нервы, — добавил Стефан. — И свои, и окружающих.

Я кивнула, обдумывая. В руку — это разумно. Больно,

кроваво, но не смертельно. Идеальный компромисс между русской рулеткой и вечеринкой богатых бездельников.

— Ты с нами? Стрелять умеешь? — спросил Ноа, глядя на меня с любопытством.

Я открыла рот, чтобы ответить, но тут впервые за всё время подал голос Дарелл.

— Она пасс, — сказал он, не оборачиваясь от окна. — Сегодня ей не везёт с рулеткой.

Я медленно повернула голову и посмотрела на его спину. На идеально сидящий смокинг. На напряжённые плечи. На эту его уверенность, что он может решать за меня.

— Вообще-то, — мой голос прозвучал сладко, как мёд с уксусом, — я в состоянии ответить сама.

Дарелл наконец обернулся. В его глазах мелькнуло... удивление? Раздражение? Или то самое веселье, которое появляется, когда добыча начинает огрызаться?

Я улыбнулась ему самой дерзкой улыбкой.

— Стрелять умею. Пару раз была с подружкой в тире, — соврала я и наивно похлопала ресницами. — Так что я играю.

Стефан хмыкнул. Ноа одобрительно кивнул. Девушка на его коленях посмотрела на меня с новым интересом. Кажется, я перестала быть просто конкуренткой и превратилась в источник развлечения.

— Правила знаешь? — спросил Стефан, доставая откуда-то из-за кресла два чёрных пистолета. — Или нам нужно

тебя просветить?

— Я в курсе правил, — ответила я. Но потом добавила: — Но просветить никогда не помешает. На всякий случай.

— Значит, так, — Стефан положил пистолеты на стол. — Два ствола. В каждом по одному патрону в одном из шести гнёзд. Барабаны крутим сами перед каждым выстрелом. Очередность — по кругу. Стреляем в левую руку. — Он поднял глаза на меня. — Вопросы?

— Только один, — я полезла в клатч и достала свой дерринджер инкрустированный бриллиантами. Больше украшение, нежели оружие, но не менее смертоносно. — Можно играть своим инструментом?

Повисла пауза. Ноа присвистнул. Девушка у него на коленях округлила глаза. Стефан смотрел на мой маленький пистолет с неподдельным интересом.

— Дерринджер, — сказал он с уважением. — Два ствола, два патрона. Классика. И откуда, позволь спросить, у тебя пушка, милая? — прищурился с подозрением.

— Одинокой девушке нужно уметь постоять за себя.

— Только не говори, что ты посещала те бесполезные курсы по самообороне для девушек, где их учат сто одному способу врезать парню по яйцам, — Стефан небрежным движением откинул волосы со лба.

Коварная усмешка собиралась изогнуть мои губы, но я зажала её в зародыше. Не хватало ещё, чтобы они поняли, как я люблю, когда меня недооценивают.

— Лучше. Проходила курсы молодого бойца, — не смогла скрыть гордыню в голосе. Хотя, честно говоря, я и не особо старалась.

— И там учат стрелять?

— Среди прочего.

— А она не только горяча, но и опасна, — усмехнулся Ноа, хлопая Дарелла по ноге.

— Это я уже понял, — тихо сказал Дарелл, и в его голосе послышалось что-то, от чего у меня по коже побежали мурашки.

— Два патрона меняют расклад, — заметил Стефан. — Риск выше.

— Я люблю риск, — ответила я, положив дерринджер на стол рядом с другими пистолетами.

— Тогда правила общие, — кивнул Стефан. — Крутишь, стреляешь. И да хранит нас всех слепой случай.

Первым стрелял Ноа. Он крутанул барабан своего пистолета, приставил дуло к левой руке и нажал на курок. Сухой щелчок — пусто. Он выдохнул, усмехнулся и передал пистолет дальше.

Девушка на его коленях отказалась играть:

« — Слишком страшно, слишком рискованно, лучше наблюдаю со стороны. »

Никто не настаивал.

Стефан стрелял вторым. Тоже щелчок. Тоже пусто.

Потом очередь дошла до Дарелла.

Он взял пистолет, крутанул барабан с ленивой грацией крупье, приставил к руке и выстрелил, даже не глядя. Щелчок. Пусто.

— Повезло, — прокомментировал Ноа.

— Не повезло, — поправил Дарелл, возвращая пистолет на стол. — Просто знаю, как стрелять.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри нарастает азарт. Звери точили когти.

Моя очередь.

Я взяла свой дерринджер. Маленький, тяжёлый, родной. Крутанула барабан — раз, два, три оборота. Приставила к левой руке. Палец замер на курке. Секунда. Две. Три.

Щелчок.

Пусто.

Я выдохнула. Не громко, но, судя по тому, как дёрнулся уголок губ Дарелла, он заметил.

— Так мы далеко не продвинемся, — Ноа разочарованно откинулся в кресле. — Можно до утра тут сидеть и щёлкать пустую.

— Есть идея получше, — Дарелл наконец отлип от окна и подошёл к столу. В его глазах блеснул опасный огонёк, от которого у меня внутри всё переворачивалось. — Стреляем по цели. В барабане по-прежнему должна быть одна пуля. Кто попадёт, тот и выиграл.

Стефан присвистнул.

— Рискованно.

— По неживой цели — ничуть, — парировал Дарелл, и его взгляд скользнул по мне.

Я пожалала плечами с напускным равнодушием:

— Я за.

Ноа вздохнул.

— Скучно.

— Ну или можем выбрать целью твой член, — иронично ответил Дарелл. — Обещаю, масса впечатлений гарантирована.

Мы со Стефаном прыснули. Ноа весь подобрался и придвинул девушку поближе к себе, загораживая самую ценную часть тела.

— Только попробуй, — буркнул он, но в его голосе слышалась усмешка. — Шарлотта потом будет долго рыдать, что лишилась любимой игрушки.

Девушка на его коленях возмущённо ткнула его локтем, но Ноа только рассмеялся.

Стефан достал откуда-то пустую бутылку из-под дорогого виски и водрузил её на каминную полку. Идеальная мишень — узкое горлышко, изящный силуэт. Попасть по такой сложнее, чем промахнуться, особенно когда в руках пистолет с одной пулей в барабане, и ты понятия не имеешь, в какой момент она выстрелит.

— Правила простые, — объявил Ноа, явно входя в роль ведущего. — Крутишь барабан, стреляешь в бутылку. Если пуля не вылетела, то передаёшь ход. Если вылетела — смот-

рим, куда попала. Кто разнесёт бутылку тот и чемпион.

— А если пуля попадёт не в бутылку, а, скажем, в стену?
— поинтересовалась я.

— Тогда хозяевам особняка придётся несладко, — усмехнулся Стефан. — Пошлю своим родителям открытку с извинениями.

О-о.

Так значит, этот особняк принадлежит семье Стефана. Ну конечно. Золотой мальчик из богатой семьи, друзья-миллиардеры, вечеринки в родительском доме, пока предки в отъезде. Классика жанра.

Интересно, знают ли папа с мамой, что их антикварные стулья сейчас поливают виски, а в стенах появляются пулевые отверстия?

Шарлотта на коленях у Ноа нервно хихикнула. Ей явно было не по себе, но уходить она не собиралась. Слишком интересное зрелище. Да и возможность посидеть на коленях у одного из самых завидных женихов Америки дорогого стоит. Ради такого можно и потерпеть соседство с психопаткой с пистолетом.

Я перевела взгляд на Стефана.

— Родители в курсе, чем ты занимаешься, пока их нет дома?

Он широко улыбнулся такой ослепительной улыбкой, которая, видимо, заставляла кассиров в банках отсчитывать ему деньги без лишних вопросов.

— Они предпочитают не знать. Это делает наши отношения крепче.

— Им придётся сделать над собой усилие, когда они увидят счёт за ремонт, — хмыкнул Ноа.

— Папа всё равно собирался менять обои в гостиной, — отмахнулся Стефан. — Скажу, что это такой современный дизайн. «Постапокалиптический шик». Сейчас модно.

— С дырками от пуль? — уточнила я.

— Эксклюзивно, — подмигнул он.

Я покачала головой. Богатые люди. У них свои причуды. Хотя, *не мне, блять, судить.*

Ноа тем временем уже подталкивал девушку к двери.

— Шарлотта, милая, иди пока поиграй внизу. У нас тут мужские игры.

Шарлотта надула губки, но спорить не решилась. Бросив на меня последний взгляд из смеси восхищения и ужаса, она выпорхнула из комнаты, оставляя за собой шлейф дорогих духов и обиды.

— Наконец-то, — выдохнул Стефан. — А то её хихиканье действовало на нервы.

— Завидуешь? — усмехнулся Ноа.

— Есть чему?

Я слушала их перепалку краем уха, а сама смотрела на Дарелла. Он опять стоял у окна в пол оборота и в его позе чувствовалось напряжение, которого не было ещё минуту назад.

Интересно, о чём он думает? Обо мне? О том, что случи-

лось внизу? Или о том, что будет дальше?

Стефан тем временем уже заряжал пистолеты.

— Ладно, хватит болтать. Правила все знают. Крутим, стреляем. Кто разнесёт бутылку — тот красавчик.

— А если никто не разнесёт? — спросила я.

— Тогда красавчиков нет, — пожал плечами Стефан. — И мы просто продолжаем веселиться.

Ноа хлопнул в ладоши.

— Погнали. Я, Стефан, Дарелл, Кая. Именно в таком порядке.

— Почему я последняя? — возмутилась я.

— Чтобы ты успела передумать, — ответил Дарелл, не оборачиваясь.

Я усмехнулась.

— Зря надеешься.

Он ничего не ответил. Но краем глаза я заметила, как дрогнули его губы.

Ноа крутанул барабан, прицелился в бутылку и нажал на курок.

Щелчок.

— Чёрт, — он разочарованно цокнул языком. — Пусто.

— Мы всё ещё можем сменить цель на твои яйца, — подначивал Дарелл. — Гарантирую, будет зрелищнее.

— Иди к чёрту, — огрызнулся Ноа беззлобно. — Я свои яйца для других целей берегу.

Стефан подошёл к столу, взял пистолет, крутанул барабан

и, даже не целясь особенно тщательно, выстрелил.

Бах!

Пуля взорвала кусок стены в метре от бутылки. Штука-турка брызнула во все стороны.

— Оу, — Стефан виновато поднял бровь. — Ну, почти.

— Почти не считается, — фыркнул Ноа.

Дарелл подошёл к столу последним. Взял пистолет, крутанул барабан, прицелился и выстрелил.

Бах!

Пуля снесла горлышко бутылки. Сама бутылка устояла, но верхняя часть разлетелась вдребезги.

— Близко, — прокомментировал Стефан. — Очень близко.

— Но я же попал в цель, — возразил Дарелл.

— Если Кая промахнётся, тебе достанется почётный титул победителя, — усмехнулся Ноа. — Правда, титул чемпиона по стрельбе по горлышкам звучит не так сексуально, как просто «победитель».

Дарелл невозмутимо пожал плечами и отошёл в сторону.

Все взгляды устремились на меня.

Я подошла к столу, чувствуя, как звери внутри замерли в предвкушении. Взяла дерринджер. Крутанула барабан и встала напротив бутылки, подняв руки и прицеливаясь.

И в этот момент я почувствовала, как Дарелл подошёл сзади. Я даже не слышала его шагов. Просто кожей, затылком, каждой клеткой тела ощутила его присутствие. Его ру-

ки легко, почти невесомо легли мне на плечи. Потом одна рука скользнула вниз, к талии, а вторая — вверх, отводя волосы от моего уха.

Я замерла.

Весь мир замер.

Его губы приблизились к моему уху так близко, что я чувствовала тепло его дыхания. Голос, когда он заговорил, был тихим, низким, проникающим прямо в кровь:

— Нет ничего прекраснее женщины с пушкой в руках.

Мурашки рассыпались по задней стороне шеи, а внизу живота взорвалась обжигающая бомба.

Я зажмурилась на долю секунды. А потом нажала на курок.

Выстрел грохотнул так, что, кажется, стекла задрожали.

Я открыла глаза.

Бутылка на камине превратилась в фонтан стеклянных осколков. Она просто... исчезла. Разлетелась на миллион кусочков, сверкающих в свете люстры, как проклятые бриллианты.

Из дула дерринджера вился лёгкий дымок.

В комнате повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом.

Я выдохнула.

— Чёрт возьми, — выдохнул Ноа, и в его голосе слышалось неподдельное восхищение. — Это было... это было красиво.

— Она выиграла, — констатировал Стефан, и в его глазах мелькнуло уважение. — Вчистую.

— Повезло, — пожала я плечами, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Хотя внутри всё дрожало. То ли от адреналина, то ли от его близости, то ли от всего сразу.

Дарелл всё ещё стоял за моей спиной. Слишком близко. Его рука всё ещё касалась моей талии собственническим жестом, от которого у меня мурашки бежали по коже.

— Не повезло, — прошептал он так, что только я могла слышать. — Просто знаешь, как стрелять.

Я обернулась. В его глазах плясали черти.

И в этом взгляде было обещание. Или угроза. С ним никогда не разберёшь.

— Ещё партию? — предложил Ноа, потирая руки.

— Я пасс, — сказала я, поправляя платье. — Удачу надо беречь.

Дарелл усмехнулся и эта усмешка сказала мне больше, чем любые слова.

Мои звери довольно мурлыкали.

И тут вдруг грянул ещё выстрел.

Один, потом второй. Звук родился не в этой комнате. Он доносился снизу.

Крики. Визг. Топот десятков ног и звон разбитого стекла. Паника, которая нарастала с каждой секундой, как снежный ком, летящий с горы.

Все в комнате окаменели. Лица Ноа и Стефана побледне-

ли. Дарелл остался невозмутимым, но я видела, как напряглись его плечи, как рука непроизвольно сжалась в кулак.

Мы с Дареллом переглянулись. В его глазах был тот темный огонь, который я не раз видела в зеркале собственного отражения.

Не сговариваясь, мы рванули к выходу.

На ходу я схватила со стола оставшиеся патроны. Дарелл молниеносным движением сгрёб оба пистолета и рассовал их по карманам. Ни слова, ни лишнего жеста, только синхронность движений, будто мы делали это тысячу раз. Будто наши тела знали друг друга лучше, чем мы сами.

— Что там? — крикнул Ноа нам вслед.

— Сидите здесь и не высовывайтесь, — бросил Дарелл, не оборачиваясь.

Мы вылетели в коридор и помчались к лестнице. Снизу продолжали доноситься крики: женские визги, мужские проклятия, звуки борьбы. И ещё выстрелы. Много выстрелов.

Я не знала, что нас ждёт внизу. Не знала, кто стреляет и в кого. Не знала, успеем ли мы вообще что-то сделать.

Но одно знала точно: с этим человеком я почему-то готова бежать в самое пекло.

И это пугало больше, чем любые выстрелы.

Глава 10

**Опасность — моя естественная стихия.
— Джордж Гордон Байрон**

Сейчас.

Ночной Майами.

0:40 ночи.

Мы влетаем на первый этаж, и открывшаяся картина заставляет меня на мгновение замереть.

Казино больше не существует. В том виде, в котором я его видела пару часов назад. Столы перевернуты, фишки рассыпаны по полу, как конфетти после неудачного праздника. Несколько перепуганных гостей жмутся по углам, прижимая к себе бокалы с шампанским, будто это единственное, что имеет значение. Где-то плачет женщина. Кто-то кричит в телефон, требуя вызвать полицию.

Посреди этого хаоса на полу лежат двое мужчин лицом вниз, с руками, заломленными за спину. Охрана особняка работает профессионально: один охранник держит их под прицелом, двое других уже защёлкивают пластиковые стяжки на запястьях.

— Трое было, — выдыхает запыхавшийся Стефан, кото-

рый, оказывается, рванул за нами следом. Он, видимо, передумал отсиживаться наверху. — Двоих взяли, двое ушли.

— Двое? — переспрашиваю я, мельком пересчитывая тела на полу. — Ты сказал их всего трое.

Стефан осекается, пересчитывает сам, и его лицо вытягивается.

— Четверо. Их было четверо. Двоих взяли, двое ушли. Мне только что доложил начальник безопасности. — Он проводит рукой по лицу. — Чёрт, я даже не заметил, когда они проскочили.

Дарелл уже не слушает. Его взгляд прикован к распахнутой двери чёрного хода, которая ведёт на служебную парковку. Там, за порогом, ночь и силуэты, мелькнувшие между припаркованными машинами.

— Догоним, — бросает он коротко и срывается с места. Я за ним.

Вылетаем на улицу, и ночной воздух Майами бьёт в лицо влажной жаркой волной. Вдали, между рядами машин, мелькают две тени. Они бегут к ограде, за которой начинается пальмовая роща и узкие улочки старого города.

— Не догоним в этом дерьме, — шиплю я, костеря на чём свет стоит свои дизайнерские туфли на шпильках, в которых бегать по асфальту это чистое самоубийство.

Я останавливаюсь на секунду, наклоняюсь и одним движением сбрасываю обе туфли. Босая нога касается горячего асфальта. Лучше, чем каблуки.

Дарелл оборачивается на долю секунды, и в его глазах мелькает одобрение.

— Умница.

— Беги уже, — огрызаюсь я, но он уже рванул вперёд.

Я бегу за ним, чувствуя, как острые камешки впиваются в ступни, но боли почти нет. Адреналин заглушает всё. Звери внутри воют от восторга: *наконец-то настоящая охота*.

Первого человека Дарелл настигает через полминуты. Тот попытался перелезть через ограду, но зацепился футболкой за штырь и теперь дёргался, пытаясь освободиться.

— Уходишь даже не попрощавшись? — голос Дарелла звучит почти ласково.

Тот оборачивается, и в свете единственного фонаря я вижу его перекошенное от страха лицо. Он что-то бормочет — то ли мольбу, то ли проклятие — и тянется к поясу, где у него, видимо, оружие.

Дарелл не даёт ему шанса. Одно движение, и мужик с хрустом оседает на землю, прижатый коленом к асфальту. Ещё одно — и в руке Дарелла оказывается пистолет, который тот пытался достать.

— Не люблю, когда меня заставляют бегать, — спокойно говорит Дарелл, наклоняясь к уху поверженного. — Так что скажешь мне то, что я хочу знать, и я отдам тебя охране. Если не скажешь, то отдам тебя ей.

Он кивает в мою сторону. Я как раз подбегаю, тяжело дыша, босая, с бешено колотящимся сердцем.

Мужик смотрит на меня и, кажется, понимает, что в моих глазах смерти больше, чем в пистолете Дарелла. Он ломается быстро — выплёвывает какие-то имена, адреса, явки. Я не вслушиваюсь, потому что вижу: второй уже почти скрылся в пальмовой роще.

Дарелл, видимо, тоже получил достаточно информации. Он теряет интерес к пленнику, просто прижимает его лицом к земле и ждёт, когда подоспеет охрана.

Подбегает запыхавшийся охранник.

— Воры проникли в особняк по липовым приглашениям, — выпаливает он, размахивая руками.

Я закусываю щеку с обратной стороны и смотрю в небо, будто это самое интересное зрелище за всю мою жизнь. Такое красивое и чёрное, как мои демоны, с кучей звёзд, блистающие точь-в-точь как мои вспышки гнева.

— Когда гости изрядно выпили и расслабились, они принялись за дело. Но их заметили, и они открыли огонь.

Я смотрю на второго вора, который уже почти исчез в темноте. Надо бежать. Надо догонять. Но моё длинное платье, такое элегантное ещё час назад, теперь обматывается вокруг ног, сковывая движения.

Принимаю решение за секунду.

Рука ныряет под подол платья, к бедру, где в ножнах спрятан кинжал. Я вытаскиваю его, наклоняюсь и одним движением отрезаю широкую полосу ткани от подола.

Юбка становится короткой, оголяя ноги почти по самую

задницу. Зато бежать можно.

Дарелл поднимает глаза от поверженного вора и смотрит на меня долю секунды. Потом его губы растягиваются в греховной усмешке, от которой у меня внутри всё закипает.

— Беру свои слова назад, — говорит он, и в его голосе звучит неподдельное восхищение. — С пушкой было красиво, но это... теперь моя любимая сексуальная фантазия — женщина с кинжалом.

Я прыскаю со смеху, не сумев сдержаться. Адреналин, напряжение, его взгляд в этот абсурдный момент смешиваются в дикий коктейль, и я смеюсь, хотя, наверное, должна злиться.

— Беги уже, извращенец, — выдыхаю я, убирая кинжал обратно в ножны.

Мы срываемся с места одновременно.

Второй вор оказался быстрее и хитрее первого. Он уже преодолел ограду и теперь петлял между пальмами, явно зная местность. Мы бежали за ним, ориентируясь на шум и мелькающую тень.

Мои босые ноги уже не чувствовали ни острых камней, ни корней деревьев, ни битого стекла, которое попадалось на пути. Я бежала и чувствовала только одно: свободу. Дикую, первобытную свободу охоты.

Дарелл был где-то рядом. Я не видела его, но знала, что он здесь. Чувствовала кожей.

Вор выскочил на какую-то узкую улочку, застроенную ста-

рыми домами в колониальном стиле. Здесь было темно: ни одного фонаря, только свет из редких окон.

Я почти догнала его. Ещё немного, ещё чуть-чуть...

И тут из темноты вылетел Дарелл.

Он настиг вора в прыжке, сбив его с ног. Они покатались по мостовой, и я услышала глухой удар. Кулак встретился с челюстью. Потом ещё один. Вор взвыл и затих.

Я подбежала, тяжело дыша, чувствуя, как пот стекает по спине, как сердце колотится где-то в горле.

Дарелл стоял над поверженным, чуть наклонившись, опираясь руками о колени. Он тоже запыхался. Впервые я видела его не идеальным, не невозмутимым, а просто... живым. Настоящим.

— Жив? — выдохнула я, кивая на вора.

— Пока дышит, — ответил Дарелл, выпрямляясь. — Хотя, судя по тому, как он визжал, будет жить заикаясь.

Он повернулся ко мне, и в тусклом свете уличного фонаря я увидела его улыбку. Усталую, но довольную.

— Неплохо для той, кто ещё час назад играла в рулетку на шпильках.

— Неплохо для того, кто ещё час назад обещал Ноа прострелить яйца, — парировала я.

Он коротко, но искренне рассмеялся.

— Ты невыносима.

— Знаю.

Мы стояли посреди тёмной улочки, запыхавшиеся, пот-

ные, с разбитыми в кровь ногами и диким адреналином в крови, и смотрели друг на друга. И в этом взгляде было что-то такое, от чего у меня снова перехватило дыхание. Воздух между нами искрил так, что, казалось, ещё немного и вспыхнет пламя.

Вдалеке завывали полицейские сирены.

И вдруг вор, который, как мы думали, был без сознания, подал признаки жизни. Он замычал, приподнялся на руках и начал что-то бормотать.

— ¡Puta madre! ¡Me cago en tu puta madre, gringa de mierda!
— хрипел он, сплёвывая кровь на асфальт. — Te voy a matar, perra. Él ya viene por ti.

Дарелл вопросительно поднял бровь.

— Что он там лепечет? Что-то про маму?

Я не ответила. Я смотрела на вора, и внутри меня всё околосило.

Вор вдруг перешёл на английский. С сильным акцентом, но говорил чётко. Слишком чётко.

— Он уже идёт за тобой, — выплюнул вор, глядя прямо на меня. Губы его растянулись в мерзкой, кровавой улыбке.
— El jefe. Скоро ты будешь молить о смерти, сука.

Он хрипло, каркаяще засмеялся, заливаясь кровью. А потом снова перешёл на испанский, сыпая грязными ругательствами, каждое из которых я знала с детства.

Put.

Zorra.

Hija de puta.

Я не замечаю, как Дарелл подходит ко мне. Не чувствую, как его шершавые пальцы касаются моего бедра, напоминая о реальности. Моё зрение сузилось до этого мерзкого типа, плюющего кровью у моих ног, сыплющего знакомыми с детства проклятиями.

Я слышу только его голос. Только эти слова.

Он идёт за тобой.

— Тьма внутри тебя — не проклятие, — шепчет Дарелл мне в ухо, и его голос прорывается сквозь пелену. — Это твоя сила. Не бойся её.

Только теперь я чувствую тяжесть кинжала в своей руке. Он вложил его мне в ладонь.

Когда он успел достать его из ножен?

Я смотрю на лезвие, в котором отражаются мои глаза.

В них нет ярости. Нет гнева.

Только тихое обещание смерти.

Делаю шаг к вору. Он поднимает на меня взгляд, в котором всё ещё плещется злорадство и уверенность, что он сказал достаточно, чтобы испортить мне ночь.

Он не понимает, что только что подписал себе смертный приговор.

Я медленно, почти нежно, ввожу лезвие в его горло. До хруста.

Всё, что он хотел сказать, захлёбывается в алом потоке.

Я смотрю, как свет гаснет в его глазах.

И точным движением перерезаю его чёртову глотку.

А мои звери довольно рычат, чувствуя как кровь растекается тёплой лужей под босыми ногами.

Глава 11

**У меня нет всего, что я люблю.
Но я люблю всё, что у меня есть.
— Лев Толстой**

Тогда.

Колумбия, Асьенда «Соледад».

Каталее десять лет.

Солнце уже село, и за окнами моей спальни сгущались лиловые сумерки. Где-то вдалеке кричали ночные птицы, а из конюшен доносилось приглушённое ржание лошадей.

Я сидела на пуфике перед туалетным столиком, болтая ногами, которые ещё не доставали до пола. В руках вертела заколку с бабочкой, которую дедушка подарил мне на прошлой неделе. Золотая, с крошечными бриллиантами на крыльях. Красивая.

— Не ёрзай, — раздался за спиной тихий, усталый голос мамы.

Я подняла глаза.

В зеркале отражалась Моника Динарди, с моими светлыми волосами и серо-зелеными глазами. Она стояла позади меня с серебряной щёткой для волос в руке — с гравиров-

кой, которую ей подарила её мама, а той — её.

Мама начала расчёсывать мои волосы. Медленно, осторожно, будто боялась сделать больно. Хотя мне никогда не было больно, когда она это делала. Только тепло и спокойно.

— Ты сегодня опять была в кабинете дедушки? — спросила она тихо.

Я отвела глаза. В зеркале было видно, как я закусила губу.

— Он сам позвал. Показывал свою коллекцию.

— Коллекцию чего? — голос мамы дрогнул.

— Ножей, — ответила я честно. — У него там такие красивые. С камушками, прямо как у меня в заколке.

Щётка замерла на мгновение, потом продолжила своё движение.

— Каталей, — мама говорила тихо, но в этом тихом голосе было столько боли, что у меня сжалось сердце. — Ты знаешь, почему я назвала тебя именно так?

— Потому что я красивая, как цветок? — я вспомнила, сколько раз она мне это говорила.

Она грустно улыбнулась, одними уголками губ.

— Каттлея — это орхидея, которая растёт в диких джунглях. Она не боится ни жары, ни ливней, ни тени огромных деревьев. Она цепляется корнями за скалы и цветёт там, где другие цветы погибают. — Мама провела щёткой по моим волосам, и я закрыла глаза от удовольствия. — Я хотела, чтобы ты была сильной. Чтобы никто не мог тебя сломать.

— Дедушка говорит, что я сильная, — сказала я. — Что

во мне много от Динарди.

Щётка снова замерла. На этот раз надолго.

Я открыла глаза и посмотрела в зеркало. Мама стояла неподвижно, глядя куда-то сквозь моё отражение. В её глазах блестели слёзы, которые она пыталась сдержать.

— Мам? — я повернулась к ней. — Ты чего?

Она моргнула, слёзы исчезли, будто их и не было. Опустилась на корточки рядом со мной, взяла мои руки в свои.

— Послушай меня, *mi vida*, — сказала она очень серьёзно. — То, что дедушка называет «силой Динарди» — это не просто сила. Это... это тьма. Она есть в каждом, кто запачкан этой фамилией. В твоём дедушке. Во мне. В Феликсе. — Она сжала мои пальцы. — И в тебе она тоже есть.

Я смотрела на неё, пытаюсь понять.

Тьма? Как в ночи за окном? Я не боялась темноты. Никогда не боялась.

— Эта тьма умеет шептать, — продолжала мама. — Она будет говорить тебе, что ты особенная. Что тебе можно то, что нельзя другим. Что агрессия — это правильно, что месть — это справедливо. — Её голос дрогнул. — Не слушай её, Катаlea.

— Но дедушка говорит...

— Дедушка хочет сделать тебя такой же, как он, — перебила мама. — А Феликс... — она запнулась, и в её глазах мелькнуло что-то, чего я тогда не поняла. Что-то тёмное и страшное. — Не стоит доверять Феликсу. Ты должна дер-

жаться от них подальше. Обещай мне.

Я молчала. Мне было десять, и я не понимала, почему мама так ненавидит дедушку. Почему она всегда грустит, когда речь заходит о семье.

— Обещай, — повторила она. — Что не дашь этой тьме себя сломать. Что будешь бороться.

— Я буду бороться, — сказала я, потому что это было проще всего.

Мама посмотрела на меня долгим взглядом. Потом при-
тянула к себе и обняла так крепко, что мне стало трудно ды-
шать.

— Я так боюсь за тебя, — прошептала она мне в волосы.
— Так боюсь, что они тебя сломают. Или что ты станешь
одной из них.

— Не стану, — пообещала я, зарываясь носом в её плечо,
пахнущее лавандой и домом.

Она поцеловала меня в макушку и отстранилась. Улыбну-
лась моей любимой улыбкой, которая делала её самой кра-
сивой мамой на свете.

— Помни, Каталея, — сказала она, взяв моё лицо в ладо-
ни. — Тьма внутри тебя — это не сила. Это испытание. Не
поддавайся ей. Борись. Отвергай её.

Я кивнула.

Мама снова взяла щётку и продолжила расчёсывать мои
волосы. А я смотрела в зеркало на свои зелёные глаза — то-
гда ещё оба зелёные — и думала о том, что сказала мама.

Тьма. Сила. Испытание.

Я не понимала тогда, что это значит. Не понимала, с чем именно мне придётся бороться.

Но одно я знала точно: мама меня любит. И пока она рядом, ничего плохого не случится.

Глава 12

Мы так привыкли притворяться перед другими, что в конце концов начинаем притворяться перед собою.

— Франсуа Ларошфуко

Сейчас.

Майами. Та же ночь, после всего.

Уставившись глазами в пол, я сижу на краю кровати в своём номере отеля. За окном шумит океан, а в руке — кинжал с чужой кровью на лезвии, которую я ещё не смыла. Не тот дедушкин подарок — его я давно спрятала в фамильном доме Динарди «Соледад», надеясь навсегда спрятаться самой от своей крови и своей семьи. Этот кинжал другой. Обычный. Функциональный. Таким удобно резать и врагов, и правду.

Мамины слова звучат в голове эхом, перекрывая шум волн.

— Тьма внутри тебя — это не сила. Это испытание. Не поддавайся ей. Борись.

А Дарелл сегодня сказал другое.

— Тьма внутри тебя — не проклятие. Это твоя сила. Не бойся её.

Кто из них прав?

Я смотрю на свои руки. На кинжал. На кровь, запёкшуюся под ногтями.

И не знаю ответа.

В кармане вибрирует телефон. Сообщение от неизвестного номера:

«Ты была сегодня великолепно.

— Д.»

Смотрю на экран, и губы сами собой растягиваются в улыбке. Звери внутри довольно мурлыкают.

С силой стираю глупое выражение влюбленной дурочки с лица.

— Кажется, я качусь на полной скорости в беспросветную задницу, — шепчу я в пустоту.

Но телефон не отпускаю.

Не знаю, что Дарелл сказал и сделал, но я благодарна, что он избавил меня от беседы с полицией. После возвращения в особняк он сделал несколько звонков, накинул на меня свой пиджак и вызвал такси до отеля. Я не сопротивлялась. Даже не спросила, как он объяснит охране моё отсутствие и окровавленные ноги. Наверное, у него есть ответы на все вопросы.

У него всегда есть ответы.

Адреналин сошёл на нет, и я ощутила всю полноту уста-

лости. Стопы горели огнём, каждый порез, каждая ссадина напоминали о сегодняшней гонке. Плечи ныли от напряжения. Голова гудела.

Я откидываюсь на кровать, раскидывая руки в стороны. Потолок в этом отеле оказался на удивление высоким. Белый, с лепниной по краям. Дорого и безвкусно, как всё в Майами.

Пальцы одной руки всё ещё сжимают кинжал. Холодный. Мёртвый.

В другой руке всё ещё зажат телефон. Тёплый. Живой. Два предмета. Две противоположности. Как и две правды, которые сегодня столкнулись у меня в голове.

Мама из прошлого учила меня бороться со тьмой. А Дарелл из настоящего учит меня её принимать.

Я поднимаю руку с кинжалом и рассматриваю лезвие. При свете люстры оно поблёскивает алым. Кровь уже потемнела и засохла. Превратилась в корку, которую можно скovyрнуть ногтем.

Как будто ничего и не было.

Как будто я не перерезала сегодня глотку человеку.

Как будто не чувствовала при этом только свою власть и странное, пугающее удовлетворение.

Опускаю руку. Кладу кинжал на тумбочку.

Достаточно.

Телефон вибрирует снова. Я смотрю на экран, и сердце пропускает удар.

«Ты спишь?»

Тот же номер. Тот же Д.

Я смотрю на сообщение и чувствую, как губы снова предательски растягиваются в улыбку.

— Дура, — шлёпнула себя по щеке. — Перестань вести себя, как подросток.

Но пальцы уже набирают ответ:

«Уже почти. А ты?»

Отправляю и сразу жалею. Что я делаю? Зачем? Это Дарелл. Человек, которому нельзя доверять. Который знает обо мне слишком много. Который появляется из ниоткуда и исчезает в никуда.

Ответ приходит мгновенно:

*«Смотрю на океан и думаю о тебе.
Спокойной ночи, Катаlea».*

Я перечитываю это сообщение раз, другой, третий. Океан. Он тоже смотрит на океан.

Где он сейчас? На набережной? В своём номере? В каком-нибудь пентхаусе с видом на воду?

И думает обо мне.

Звери внутри довольно потягиваются и засыпают, убаю-
канные этой мыслью.

Я вновь улыбаюсь, но в этот раз не борюсь с этим. Кладу телефон на грудь, прямо на сердце, и закрываю глаза.

— Спокойной ночи, Дарелл, — шепчу в темноту комнаты.

За окном шумит океан. Где-то вдалеке слышна музыка, потому что ночная жизнь Майами не затихает ни на минуту. А здесь, в моём номере, тихо и темно. И впервые за долгое время спокойно.

Я засыпаю с телефоном на груди и мыслью о том, что, может быть, правда где-то посередине.

Между мамой и Дареллом.

Между светом и тьмой.

Между кинжалом и телефоном.

Может быть, тьма — это не враг.

Может быть, это просто часть меня.

Глава 13

**Иногда самый опасный человек — это тот,
кто знает, как себя сдержать.
— Такэси Ковако**

Сейчас.

Майами. Отель.

Раннее утро.

Сквозь неплотно задёрнутые шторы пробиваются золотистые лучи, рисуя на полу длинные полосы. Я просыпаюсь от того, что солнце бьёт прямо в лицо.

Телефон всё ещё на груди. Экран тёплый.

Время 5:45 утра. До моего рейса в Нью-Йорк ещё много времени.

Я снова перечитываю сообщение от Дарелла и улыбаюсь, даже не пытаясь себя одёрнуть. Звери внутри мурлыча потягиваются.

Поворачиваюсь на бок, закрываю глаза, и воспоминания накрывают меня с головой.

Тогда.

Колумбия. Асьенда «Соледад».

Каталее тринадцать лет.

Тринадцать — это почти взрослая жизнь. Или мне так тогда казалось.

Сегодня дедушка устроил праздник в честь победы над каким-то южным картелем и расширением власти Синдиката — или что-то в этом роде. Мне было сложно понять взрослые дела, да я и не особо пыталась. В тринадцать лет меня больше волновало, успеют ли повара испечь мои любимые пирожные с кремом, чем то, чью кровь пролили люди дедушки на этой неделе.

Стол ломился от угощений. Запечённый поросёнок с яблоками, горы тропических фруктов, пирожные, похожие на произведения искусства, и огромный торт в четыре яруса, который специально привезли из Франции. Слуги сновали с подносами, разнося шампанское взрослым и лимонад детям.

В углу играл струнный квартет, нанятый специально для этого дня. Дедушка не экономил на праздниках. Ему нравилось показывать гостям, насколько он богат и влиятелен. Ему нравилось, как они кланяются, заискивают, как дрожат их руки, когда они протягивают к нему бокалы.

Я сидела во главе стола по правую руку от Алехандро Динарди. На мне было новое изумрудное платье, которое мама выбирала целую неделю, оббивая лучшие бутики Боготы. Шёлк, кружево, крошечные стразы на поясе — я чувствовала себя принцессой. Настоящей принцессой из сказок, которые мама читала мне на ночь. Я ещё не знала тогда, что в истинных сказках принцессы либо умирают, либо теряют всё.

Дедушка был в ударе. Он смеялся, шутил с гостями, даже позволил себе пару бокалов виски — редкая роскошь для человека, который всегда должен был держать руку на пульсе. Несколько раз он поворачивался ко мне, трепал по щеке и говорил что-то вроде: «Когда вырастешь, всё это будет твоим». Я улыбалась и кивала, не до конца понимая, что именно «это» — империя, власть, кровь на руках?

— Катаlea, — раздался знакомый голос за спиной. — Выйди на минутку.

Я обернулась. Дядя Феликс стоял в дверях, ведущих в сад. На нём был идеально сидящий костюм, в руке он держал бокал с чем-то янтарным, а на губах сияла такая улыбка, от которой мне иногда делалось не по себе. Но в тринадцать лет я ещё не умела правильно читать такие улыбки.

Я вышла в сад. Вечер был тёплым, пах жасмином и чем-то сладким, может быть, цветущим табаком, может быть, просто ночью. Где-то вдалеке стрекотали цикады, и этот звук всегда успокаивал меня, напоминая о том, что мир большой и в нём есть место для простых вещей.

— Мне нужно уехать на некоторое время по делам Синдиката, — сказал Феликс, глядя куда-то в сторону. — Но я хочу, чтобы ты не забывала обо мне.

Он протянул мне бархатную, тёмно-синюю коробочку с золотым тиснением. Такие коробочки обычно означали что-то очень дорогое.

Я открыла.

Внутри, на алой подушечке, лежал маленький пистолет. Изящный, с перламутровой рукояткой, украшенной мелкими бриллиантами. Они переливались в свете фонарей, бросая разноцветные зайчики мне на платье. Игрушечный — так казалось на первый взгляд. Но я уже знала, что подарки Феликса, могут быть смертельными.

— Красивый, — выдохнула я, проводя пальцем по холодному металлу. Взяла оружие в руку и рукоять идеально легла в ладошку. Он был тяжёлым. Намного тяжелее, чем я думала.

— Тебе нравится мой подарок? — спросил Феликс, и в его голосе слышалось что-то странное. Что-то, что заставило меня поднять на него глаза. Он смотрел не на пистолет. Он смотрел на меня. Так, как смотрят на что-то ценное. Что-то, что уже считают своим.

— Очень, — ответила я честно. — Спасибо, дядя.

Он улыбнулся шире и эта улыбка почему-то заставила мои внутренности сжаться. Потом он протянул руку и потрепал меня по голове. Его пальцы задержались на моих волосах чуть дольше, чем нужно.

— Скоро ты вырастешь и станешь настоящей женщиной, Катаlea. — Его голос стал тише, почти интимным. — И сильной. Как мы.

Я не знала, что ответить. Просто стояла и сжимала в руках коробочку и пистолет, чувствуя, как бриллианты впиваются в ладонь.

А потом из дома вылетела мама.

— Вот ты где, — выдохнула она. — Катаlea, я везде тебя ищу.

Моника Динарди была бледнее обычного, в свете фонарей её лицо казалось почти прозрачным. Глаза горели особенным огнём, который появлялся у неё только в минуты сильнейшего гнева. Увидев пистолет в моих руках, она застыла на месте.

— Что это? — спросила она тихо. Но в этом тихом голосе звенела сталь. Такая же, как в лезвии дедушкиного ножа.

— Подарок, — я протянула ей коробочку, надеясь, что она увидит, какая она красивая. — Красиво, правда?

Мама посмотрела на пистолет. Потом на Феликса. И в её взгляде было столько ненависти, что мне стало страшно. По-настоящему страшно, хотя я не понимала, за что можно так

ненавидеть человека.

— Ты с ума сошёл? — прошипела она, и в этом шипении слышалось рычание дикого зверя. — Ей тринадцать лет!

— Ей тринадцать лет, и она Динарди, — спокойно ответил Феликс. — Пора учиться защищать себя.

— От кого? — мама шагнула к нему. Шаг, потом ещё один. Она была похожа на дикую кошку, что крадётся к своей добыче. Мама была ниже него, худее, но в этот момент казалась огромной. — От тебя?

Феликс усмехнулся, но ничего не ответил. Он лишь подмигнул мне, развернулся и ушёл в темноту сада, растворившись среди пальм и цветущих кустов.

Мама, крепко, до боли, схватила меня за руку.

— Идём. Сейчас же.

— Но праздник... — я оглянулась на дом, откуда доносилась музыка и смех.

— К чёрту праздник.

Она потащила меня в дом, через чёрный ход, мимо удивлённых слуг. В наших комнатах уже стояли собранные чемоданы, я даже не заметила, когда она их собрала. Два больших, мой маленький и сумка с документами.

— Мы уезжаем, — сказала она, швыряя мои последние вещи в сумку. — Сейчас. Немедленно.

— Куда? — я всё ещё не понимала. — Мам, что случилось?

— Подальше отсюда. — Она застегнула молнию и схвати-

ла меня за руку. — Подальше от этого места. От Алехандро. От Феликса. Ото всех.

Через полчаса мы уже сидели в машине, которая увозила нас в ночь. В старом джипе с потёртыми сиденьями водителем был человек, которого я видела впервые в жизни. Мама сидела рядом со мной на заднем сиденье, сжимая мою руку так крепко, будто боялась, что я испарюсь.

Я смотрела в окно на удаляющиеся огни асьенды. Они становились всё меньше и меньше, пока не превратились в крошечные точки, а потом и вовсе исчезли за горизонтом.

И чувствовала, как в груди разрастается что-то тяжёлое. Что-то, чему я не знала названия. То ли горечь, то ли облегчение.

— Мам, а дедушка? — спросила я тихо.

Когда я думала, что она уже не ответит, мама нарушила тишину:

— Дедушка... — она замолчала, подбирая слова. — Нам с тобой будет лучше без него.

Я не понимала. Не понимала, почему мы уезжаем, почему мама так ненавидит Феликса, почему всё должно было закончиться так. В тринадцать лет я ещё верила, что взрослые всегда знают, что делают. Что у них есть план.

У мамы был план. Я просто не знала тогда, какой ценой он ей дался.

Всю дорогу до нашего нового дома я сжимала в руке пистолет. Коробочка осталась где-то в комнате в «Соледад», но

сам пистолет — холодный, тяжёлый, с бриллиантами на рукоятке — лежал у меня на коленях.

Мама не забирала его. Может, не замечала. Может, специально оставила.

Я смотрела на него и думала, что очень хочу научиться им пользоваться. Стать сильной.

Как они.

Как Динарди.

Я ещё не знала тогда, что это будет значить.

Глава 14

**Люди прекрасно умеют хранить секреты,
которых не знают.**

— Уинстон Черчилль

Сейчас.

Майами. Отель.

То же утро.

Открываю глаза, возвращаясь в майамское утро. Сердце глухо и набатно колотится где-то в горле, будто пытается пробить дыру в реальность.

Провожу рукой по лицу, убирая взмокшие волосы со лба. На секунду мне кажется, что за мной кто-то следит. Я давно научилась чувствовать этот липкий, холодный взгляд где-то между лопаток.

Резким рывком сажусь в кровати и смотрю в кресло напротив — пусто. Только небрежно брошенный пиджак Дарелла и пара декоративных подушек.

Ещё резче поворачиваюсь всем телом к приоткрытому балкону и падаю с чёртовой кровати на пол, запутавшись в простынях и встречаясь копчиком с паркетом.

— Ауч. Больно, черт возьми.

Мои звери даже не пытаются скрыть своё веселье. *Предатели.*

Выкручиваюсь из простыней, как муха из паутины, и смотрю в сторону окон. Балконная дверь приоткрыта, ветер ласково колышет белоснежную тюль, и солёный воздух заполняет лёгкие, умиряя бешеное сердцебиение.

Никого.

Никто за мной не следит.

Значит это всё моя бурная фантазия. Или мания преследования. Нужно подчеркнуть. С годами разница становится всё более призрачной.

Ночная сорочка неприятно липнет к телу — то ли от пота, то ли от майамской влажности, то ли от воспоминаний о прошлой ночи. Я наконец разделяюсь с побеждёнными мокрыми простынями, пинаю их в угол и набираю обслуживание номеров.

— Доброе утро. Номер 734. Пришлите кого-нибудь сменить постельное бельё. И завтрак. Чёрный кофе и тёплое молоко отдельно, яйца пашот, авокадо, свежавыжатый апельсиновый сок. И побольше всего.

— Слушаюсь, мисс.

Кладу трубку и наконец заползаю в душ. Горячая вода смывает остатки ночного кошмара, успокаивает мышцы, которые до сих пор помнят вчерашнюю гонку босиком по асфальту. Я смотрю на свои ступни — порезы уже затянулись, синяки отливают фиолетовым и жёлтым. Сувениры на па-

мать о Майами.

Через полчаса уже стою на балконе с чашкой кофе в руке. Подо мной просыпается океан: бескрайняя синева, сливающаяся с небом на горизонте. Ленивые волны лижут белоснежный песок, где-то вдали чайки выписывают круги над рыбацкими лодками.

Я делаю глоток. Кофе отличный. Жизнь, в целом, тоже. Если не считать того, что я убила человека, испытываю влечение к самому загадочному мужчине в своей жизни и так и не узнала, где Сильван.

Смотрю на экран телефона.

0 новых сообщений.

Нет, я не жду смс от Дарелла. Вообще ни разу. Просто случайно проверяю телефон каждые три секунды. Это норма. Это называется «контроль ситуации». А не «зацикленность на мужчине, от которого одни проблемы».

Время 11:13.

По-хорошему, мне уже пора заказывать такси и отправляться в аэропорт. Чемодан почти собран, билет оплачен, совесть почти чиста.

Но звери внутри беспокойно копошатся и точат когти о мою черепную коробку.

Цок-цок-цок.

Если уеду сейчас — уеду ни с чем. Логан и Мелисса так и останутся недопрошенными, тайна Натаниэля нераскрытой, а Дарелл... ну, кто знает, когда мы ещё встретимся.

Нет. Надо попытаться ещё раз.

Набираю сообщение Винтеру в зашифрованном чате:

«Нужны координаты Логана и Мелиссы Уэстон в Майами.

Срочно».

Ответ приходит через полчаса. За это время я успеваю позавтракать, выпить ещё две чашки кофе, три раза проклясть всё на свете и один раз — конкретно Дарелла за то, что он не пишет.

«Остановились в отеле «Fontainebleau».

Сегодня устраивают бранч для своих в яхт-клубе в 4 вечера.

Адрес скинул отдельным файлом. Там же их яхта. 2000».

Перевожу деньги и усмехаюсь.

Винтер — единственный мужчина в моей жизни, который никогда не подводит. Наверное, потому что он берёт за это деньги.

Я продлеваю номер в отеле ещё на сутки и меняю билет на завтрашнее раннее утро.

Сейчас.

Майами. Яхт-клуб.

Яхта оказалась впечатляющей. Белоснежная, трёхпалубная, с вертолётной площадкой и названием «Мечта» на корме. Очень оригинально. Видимо, когда у тебя есть деньги на такую игрушку, фантазия заканчивается на первом слогe.

Я поднялась на борт под видом подруги какой-то подруги, которая забыла своё приглашение. Охрана — спасибо Винтеру и ещё пятистам долларам — уже была в курсе, что меня стоит пропустить. Деньги не пахнут и открывают любые двери.

Логан и Мелисса сидели в шезлонгах на верхней палубе, потягивая коктейли. Вид у них был такой расслабленный, будто они не прятались от реальности, а просто наслаждались жизнью. Увидев меня, Мелисса поперхнулась.

— Кая? — её глаза расширились. — Ты как...

— Привет, — я плюхнулась в соседнее кресло, не дожидаясь приглашения. — Красивая яхта. Ваша?

Логан напрягся, но взял себя в руки быстрее жены. Мужская выдержка — штука полезная.

— Что тебе нужно?

— Поговорить. Без свидетелей. Без Дарелла. Без всего этого цирка.

Они переглянулись. Логан кивнул Мелиссе. Та вздохнула и отставила коктейль.

— Ладно. Чего ты хочешь?

— Расскажите мне о Натаниэле Ричардсоне.

Повисла тишина. Такая густая, что её можно было накалывать вилкой для морепродуктов.

— Откуда ты знаешь... — начал Логан.

— Я много чего знаю. Например, что вы опознавали тела после катастрофы. Что вы были близки с семьей Ричардсонов. И что вы явно скрываете что-то про старшего сына.

Мелисса побледнела. Логан сжал челюсть до хруста.

— Это не твоё дело, — процедил он.

— Сильван — моё дело. Он пропал. И если Натаниэль как-то с этим связан, я хочу знать правду.

Они молчали слишком долго. Так долго, что я начала терять терпение. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, звери заскребли когтями по ребрам.

Потом Мелисса встала и ушла внутрь — в гостиную с диванами и барами, а затем и вовсе скрылась в недрах яхты.

Я уже начала думать, что она решила сбежать через чёрный ход, но через пару минут она вернулась.

В руках у неё была потрёпанная книга. Старая, с выцветшим переплётом, явно выдавшая лучшие времена.

— Мы не должны тебе этого показывать, — тихо сказала она. — Но это поможет понять тебе, кое-что о Натаниэле

Она протянула мне книгу.

Я открыла. Это оказался альбом старых фотографий. Многие из них были чёрно-белыми, выцветшими от времени, но не менее живыми от этого.

На первой странице я узнала невероятной красоты девушку с волнистыми чёрными, как смоль волосами. Элиана. Она стояла на этой самой яхте, её обнимала Мелисса, и обе девушки были пойманы в момент какого-то безудержного веселья. Они смеялись — по-настоящему, заразительно, так, что уголки моих губ непроизвольно поползли вверх.

Следующее фото — Логан и Магнус сидят в креслах у камина, с сигарами в пальцах, увлечённо что-то обсуждают. Они даже не замечали, что их поймали на фотоплёнку. Такие искренние, живые, настоящие.

Дальше пошли фотографии совместного времяпрепровождения семей Ричардсон и Уэстон в различных комбинациях: все четверо на снимке, только девушки, только мужчины. Пикники, вечеринки, какие-то праздники. Идиллия. Такая, какая бывает только у людей, которые не знают, что их ждёт впереди.

Одна фотография заставила меня замереть на три долгих удара сердца.

На ней был запечатлён Магнус Ричардсон. Ослепительно улыбающийся во все свои тридцать два зуба, так, что даже через время и фотобумагу эта улыбка грела. В руках он с трепетом держал крошечный свёрток, в котором угадывался младенец. Глаза Магнуса смотрели на ребенка и светились таким обожанием, что у меня кольнуло где-то под ребрами.

На следующей странице — цветная фотография улыбающейся Элианы. Её настоящая, искренняя улыбка рисовала на щеках милые ямочки, шоколадные глаза искрились любовью. На её коленях сидел насупившийся маленький мальчик лет четырёх-пяти. Темно-русые волосы, серьёзные глаза и какая-то книга в руках. Он смотрел в объектив так, будто фотограф отвлёк его от чего-то важного.

— Это Натаниэль? — спросила я.

— Да, — кивнул Логан, подходя ближе. — Ему тут пять.

Я перелистнула страницу. Ещё фото. Школа — он за партой, один, смотрит в учебник. Спортивные секции — неуклюжий мальчик с длинными руками и ногами, который явно чувствует себя не в своей тарелке. Домашние праздники — именинный торт, свечи, и он, задувающий их с каменным лицом.

На всех фотографиях один и тот же мальчик. Умный взгляд, сосредоточенное лицо. Он почти нигде не улыбался. А там, где улыбался, было видно, что это не искренняя ра-

дость, а вымученная, заученная улыбка. Как у детей, которых учат быть вежливыми с гостями.

— Он был невероятно одарённым ребёнком, — сказала Мелисса, и в её голосе послышалась грусть. — Хотя у таких родителей по-другому и быть не могло.

Она прерывисто выдохнула, явно сдерживая подступившие слёзы.

— Просто феноменальный мальчик. Математика, физика, программирование — всё схватывал на лету. Учителя говорили, что таких не видели.

— А спортом занимался? — спросила я, вспоминая досёе.

— Поначалу Нейт вечно сидел за книгами, и мышцы не развивались как надо, — усмехнулся Логан. — Элиана переживала, врачи били тревогу. Магнус заставлял посещать разные секции, но безуспешно. Пока однажды он случайно не попал на занятие по водному поло. И тогда по-настоящему увлёкся.

Мелисса кивнула.

— Нашёл нескольких персональных тренеров, занимался как одержимый. И знаешь... — она посмотрела на меня с каким-то странным выражением, — через два года он стал показывать феноменальные результаты. Тренеры говорили, что если бы Натаниэль не скрывался так тщательно, он мог бы побить несколько мировых рекордов. У него была невероятная выносливость.

Я замерла.

— В смысле «если бы не скрывался»?

Логан и Мелисса снова переглянулись. И в их взглядах было что-то, от чего у меня похолодело внутри. Что-то тяжёлое и невысказанное.

— Нейт... он всегда был особенным, — осторожно сказал Логан. — Не только в плане интеллекта. Он был очень замкнут и не любил быть на виду. Скрывал себя и свою жизнь как мог, а Элиана и Магнус почему-то поощряли это.

— От кого он скрывался?

— Ото всех. — Мелисса опустила глаза. — Даже мы не всегда знали, где он. Магнус говорил, что это ради его безопасности. Что есть люди, которые охотятся за такими как он.

— Какими?

— Одарёнными. Гениальными. — Логан вздохнул, пожимая плечами. — Мы думали, это паранойя. А потом яхта затонула.

— И Натаниэль погиб вместе со всеми? — спросила я прямо, без обиняков. Мне надоело ходить вокруг да около.

Они опять надолго замолчали.

— Я спрашиваю: вы опознали его тело?

— Нет, — выдохнула Мелисса. — Не опознали. Потому что его... не нашли.

Внутри всё оборвалось, а звери протяжно завывали. Холод пробежал по позвоночнику, оставляя за собой ледяной след.

— То есть он мог выжить?

— Течение в том месте было слишком сильным, — Логан покачал головой. — Вероятно, его тело унесло на много километров от места крушения. Да, Нейта не было в списках погибших. Но и среди выживших тоже.

— Что значит «не было в списках»?

— Это значит, — Мелисса посмотрела мне прямо в глаза, и в её взгляде плескалась такая бездна, что у меня перехватило дыхание, — что либо его тело досталось акулам, либо его вообще не было на той яхте.

Я откинулась на спинку кресла. Голова шла кругом. Звери внутри метались, не находя себе места.

— Почему вы сразу никому не сообщили?

— А кому? — усмехнулся Логан. — Полиции? Они всё списали на сильное течение, а искать в других секторах уже не в юрисдикции США. Пресса? Они и так писали, что вся семья погибла. Сильван стал единственным наследником, и его это, кажется, устраивало. Мы решили не лезть.

— Сейчас тоже не будете лезть?

— Сейчас ты здесь. — Мелисса взяла мою руку. Её пальцы были холодными и чуть влажными. — И ты ищешь правду. Но ты должна знать: Натаниэль всегда любил младшего брата. И даже если он как-то связан с исчезновением Сильве, то значит он его просто прячет. Нейт не причинит ему вреда.

— Это, разумеется, в случае, если он вдруг, чудесным образом, остался жив, — перебил Логан, пристально смотря на жену. Затем перевел взгляд на меня и подался вперед, пони-

жая голос. — Тебе лучше подумать о том, кто мог бы быть опасен для Сильве среди живых. Кто хотел убрать его с дороги и желал с ним расправиться.

Взгляд Логана прожигал во мне дыру так, что я буквально слышала шипение и чувствовала запах собственной подкопченной кожи.

Кто уже давно пытался расправиться с Сильваном Ричардсоном?

Ответ был до неприличия очевидным.

Джексон продал бы душу, чтобы довести это дело до конца.

Но Хлоя обвиняла во всем старшего брата — Натаниэля, в то время как Мелисса старательно его выгораживала.

И кому из них верить?

Никому.

Никому нельзя верить. Я должна сама докопаться до правды. И возможно тогда перестану чувствовать, как вина сжимает мое горло и давит на грудь.

— А Дарелл, — мне нужно было быть уверенной, — может быть опасен?

— Смотря для кого, — хмыкнул Логан. — Для всех вокруг? Абсолютно. Для Сильвана? Никогда.

Я кивнула, чувствуя, что дышать стало чуть легче. Не замечала, как этот вопрос тяготил мою душу.

Я посмотрела на фотографию маленького мальчика с серьёзными глазами и почувствовала, как в моих зверях заки-

пает жгучая ярость.

Или надежда. С ними вечно не разберёшь.

Глава 15

**Сила давления, равна силе сопротивления.
— Первый Закон Ньютона**

Сейчас.

Майами. Отель.

Поздний вечер, перетекающий в утро.

Когда я вернулась в номер, было уже затемно. Город за окном переливался огнями, океан шумел где-то вдалеке, а в голове была каша из фактов, догадок и вопросов без ответов.

Я обратила внимание на одну странность: Мелисса не задавалась вопросом, жив ли Натаниэль. Она лишь старалась убедить меня, что он не опасен для Сильвана.

Значит ли это, что она уверена: Натаниэль Ричардсон жив?

Тогда почему она продолжает помогать ему скрываться? Или не помогает, а просто молчит? Или боится?

Голова гудела от информации, ноги — от беготни, душа — от всего сразу. Я рухнула на кровать, даже не раздеваясь, и уставилась в потолок.

Фотографии Натаниэля стояли перед глазами. Маленький гений, который прятался от всего мира. Пловец, который мог

бы побить рекорды. Мальчик, которого не нашли после катастрофы.

Где он сейчас? Кто он?

И главное — где сейчас Сильван? Жив ли до сих пор? Вдруг его пытаются где-то в подвале, пока я тут прохлаждаюсь в пятизвёздочном отеле?

Я приняла душ, переоделась, заказала еду, но есть не могла. Куски в горло не лезли. Всё время смотрела на телефон.

Дарелл всё так же молчал. Ни одного сообщения после вчерашнего. Ни «привет», ни «как ты», ни ещё одного «спокойной ночи».

— И правильно, — буркнула я себе под нос. — Хватит с меня мужчин на сегодня.

Звери внутри иронично хмыкнули, но спорить не стали.

Я переоделась в шёлковую кружевную сорочку на тонких бретельках, легла в кровать и выключила свет. За окном шумел океан, в номере было тихо и темно.

Я провалилась в сон почти мгновенно.

А потом — резко открыла глаза.

Что-то было не так.

Я не слышала ничего, кроме океана. Но чувствовала. Кожей, затылком, каждой клеткой тела. Чужое присутствие.

Я медленно, не делая резких движений, потянулась к ночнику на тумбочке одной рукой, пока пальцы другой уже нащупывали кинжал под подушкой.

Щелчок.

Свет резанул по глазам, и я прищурилась на долю секунды.

Когда зрение вернулось, я решила, что мне мерещится. Или воображение разыгралось. Но готова была поклясться, что в кресле в углу комнаты сидел Дарелл.

Его широкая грудь медленно поднималась и опускалась в такт дыханию. Когда мой нос заполнил запах океана и морских суровых бурь, я поняла: это не моя бурная фантазия. Вот он, Дарелл Грейвс, во плоти, сидит в кресле *моего* номера.

Он даже не прятался. Просто сидел, расслабленно откинувшись на спинку, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. Как хищник, который уже загнал добычу и теперь просто наслаждается моментом.

— Ты охренел? — пискнула я, хватая сердце рукой. Оно колотилось где-то в горле, пытаюсь вырваться наружу.

Кончик кинжала в другой руке, дрожа, целился в этого демона.

— Не кричи, — спокойно ответил он. — Я не кусаюсь. Хотя это как попросишь.

В его голосе было столько бархатной угрозы, что у меня мурашки побежали по позвоночнику.

— Как ты сюда попал?

— Этот отель принадлежит семье Стефана. — Он пожал плечами с ленивой грацией. — У меня есть ключи от всех

номеров. Полезная опция, когда хочешь сделать сюрприз.

— Это не сюрприз. Это нарушение границ.

Он усмехнулся уже полюбившейся мне тёмной, собственнической и опасной усмешкой.

— Ты права. Прости.

Я смотрела на него и пыталась понять, злиться мне или радоваться. Звери внутри уже проснулись и явно были на его стороне. Сволочи.

— Что тебе нужно?

— Поговорить.

— Ночью? В моём номере? Ты не мог выбрать другое время?

— Мог. — Он встал и медленно подошёл к кровати. — Но я не хотел ждать. И осторожнее с кинжалом, — я все еще целилась в него лезвием, — это моя любимая ролевая игра.

Я сглотнула. Дарелл остановился в полуметре от меня, и даже в тусклом свете ночника я видела, как горят его глаза. Там плескалось что-то первобытное, тёмное и голодное.

Я отложила кинжал и встала с кровати. Не потому что хотела быть ближе, а потому что не желала смотреть на него снизу вверх. Не особо помогло — он всё равно возвышался надо мной, но так я хотя бы чувствовала себя равной.

Шёлк сорочки и ветер с балкона нежно скользнули по оголённой коже, и она покрылась мурашками. Я убеждала себя, что именно от этого, а не от близости Дарелла.

— Мне удалось напасть на след, который ведет в Сильве,

— сказал он без предисловий.

Если бы не его серьезный тон и сурово сдвинутые брови, я бы решила, что он разыгрывает меня. Но, кажется, он и в самом деле всё это время ничего не знал о судьбе Сильвана.

— Поздравляю. И где он?

— Пока не могу сказать.

Я фыркнула.

— Зачем ты тогда ко мне пришёл? Похвастаться?

— Мне нужна твоя помощь.

Я усмехнулась, скрещивая руки на груди.

— Дарелл, дорогой, если ты надеешься, что я скину тебе адресок хорошего психотерапевта, то вынуждена разочаровать.

— Мы могли бы стать отличной командой, принцесса.

Он пропустил мой комментарий мимо ушей. Обидно. Я всю душу в этот сарказм вложила.

— Ты нужна мне. Я умею многое, но стать юной девой мне не под силу, увы, — сыронизировал он.

Я закатила глаза, но наострила уши вместе с моими звёзками.

Он ухмыльнулся, заметив мое любопытство. В синих глазах сверкнул холодный огонь.

— Помоги мне — и я помогу тебе. Я знаю, ты разнюхиваешь своим милым носиком про Натаниэля. Выполнишь свою часть сделки, и я расскажу тебе кое-что о Натаниэле Ричарде II Ричардсоне.

Я присвистнула.

Нихрена себеу него имечко. Как у кого-то сраного принца.

— Ну и имечко, — фыркнула я.

Дарелл усмехнулся.

— Точно.

Мы уставились друг на друга. Воздух между нами искрил так, что, казалось, ещё немного и вспыхнет пламя.

— И почему я должна тебе верить? — мой голос звучал хрипло, хотя я пыталась держать марку. — Откуда мне знать, что ты скажешь правду? Или не исчезнешь, как только я выполню свою часть договора?

Он сделал шаг. Ещё один. Теперь Дарелл стоял прямо передо мной, так близко, что его запах заполнил каждую клеточку моего тела. Тёмный. Пьянящий. Опасный.

Горячие пальцы коснулись голого плеча, посылая разряд тока прямо в мой центр. Я не заметила, как лямка сорочки соскользнула вниз. Он медленно вернул её на место. Слишком медленно. Слишком интимно.

— Я обещаю тебе, Каталея, что выполню свою часть сделки, — прошептал он, и от этого шёпота у меня подкосились колени.

Его руки скользнули по моей спине, притягивая ближе. Мои пальцы без моего ведома уже цеплялись за его плечи. Звери внутри выли от восторга, требуя продолжения.

Я вдруг осознала, что мы одни в гостиничном номере: ночь тепла, аромат океана пьянит, волны шепчут, а огромная

кровать слишком близко.

Губы Дарелла уже были в сантиметре от моих. Я чувствовала его горячее, прерывистое дыхание, такое же неровное, как моё. Рука скользнула под сорочку, горячая ладонь на коже, и я выгнулась навстречу, теряя остатки разума.

И тут я остановилась.

Прерывисто дыша, глядя на его влажные губы и потемневшие глаза, я боролась сама с собой. Мой мозг уже подкидывал миллион развратных картинок о том, чем бы я могла занять эти его руки и губы.

Но...

— Нет.

Он замер.

Мне стоило *охренеть* каких усилий отстраниться от Дарелла. Не столько физических, сколько волевых. Каждая клетка тела вопила, требуя сдаться в руки мужчины передо мной.

— Что? — его голос сел до хрипоты.

— Я сказала — нет.

Дарелл смотрел на меня, пытаюсь понять. В его глазах мелькнуло что-то неразборчивое. Удивление? Разочарование?

— Нет нашей сделке или... — он не закончил, но я поняла.

— У меня рейс через три часа. — Я провела рукой по волосам, пытаюсь унять дрожь. — Я не хочу его пропустить.

— Я куплю новый билет.

— Дело не в билете. — Я посмотрела ему в глаза и вспом-

нила, как он отказывал мне раньше. Как останавливал на самом интересном месте. Как исчезал и играл в свои игры.

В глазах Дарелла мелькнуло удивление. Потом — понимание. Губы растянулись в тёмной усмешке, от которой я была готова продать душу дьяволу.

— Ты мстишь.

— Я уравниваю счёт.

Он уставился на меня с идеально изогнутой чёрной бровью. Потом медленно шагнул назад, словно нехотя отпуская из объятий.

— Ты невероятна, — сказал он тихо. — Что насчёт моего предложения? — уже громче.

— Я подумаю.

— Не отдохнувший мозг соображает хуже. — Он развернулся и откинул пятернёй назад чёрные волосы, открывая идеальный профиль. — Трёх часов недостаточно, чтобы выспаться и принять верное решение.

Теперь была моя очередь выгибать бровь.

— Частный джет Ноа вылетает в Нью-Йорк завтра днём (то есть уже сегодня). — Он смотрел на меня в упор. — Уверен, он не будет против ещё одного пассажира.

Я скрестила руки на груди и уже открыла рот, чтобы возразить, но он меня прервал.

— Тогда мы сразу сможем обсудить детали нашей сделки. Если ты согласишься.

Я молчала, переваривая.

Смогу поспать лишние пару часов. Частный джет. Никакого спешащего такси, никаких очередей на регистрации. И он рядом. *Слишком* рядом.

В этот момент порыв прохладного ветра с балкона скользнул по моей коже. Шёлк сорочки предательски обрисовал всё, что должен был скрывать. Я почувствовала, как затвердели соски, выступая сквозь тонкую ткань.

От Дарелла не ускользнула эта картина.

Его глаза вмиг опустились вниз, зрачки расширились, заполняя радужку тьмой. Он смотрел так, будто видел меня насквозь — сквозь шёлк, сквозь кожу, сквозь все мои защиты.

— Обещаю вести себя... сносно, — произнёс он, поднимая взгляд и ловя меня в ловушку синих глубин. В его голосе было столько обещаний, что у меня перехватило дыхание.

— Сносно — это как? — выдохнула я.

— Не трону тебя, пока ты сама не попросишь. — Уголок его губ дрогнул. — А ты попросишь.

Я смотрела на него, и в голове боролись разум, гордость и дикое, первобытное желание.

— Самоуверенность штаны не жмёт?

Дарелл запрокинул голову и гортанно засмеялся. В номере не доставало света, но я была уверена, что уловила в его улыбке и смехе что-то знакомое. Что-то, от чего внутри кольнуло.

— В твоём присутствии постоянно, — в его голосе мелькнула редкая, почти уязвимая нота, которую он так тщательно

прятал за броней цинизма.

Я тряхнула головой, чтобы сбросить непонятное наваждение и его последние слова. Они застревали под кожей, как занозы.

— Во сколько вылет?

— В полдень. Я зайду за тобой в десять.

— Зайдёшь? Или опять влезешь, как сталкер?

Он усмехнулся.

— Посмотрим на твоё поведение.

— Дарелл.

— Каталя.

Не знаю, как у него получалось произносить моё имя так, будто пробует на вкус. Медленно, смакуя каждую букву. Я распадалась на крошечные кусочки, когда он так делал. И каждый раз собирала себя заново, но с каждым разом это получалось всё хуже.

— Спокойной ночи, — сказал он и направился к двери.

— Уже утро, — буркнула я ему в спину.

Дарелл обернулся на пороге. Лунный свет из приоткрытого балкона скользнул по его лицу, высвечивая резкие скулы и тень от ресниц.

— Тогда доброе утро. И приятных снов.

Дверь закрылась.

Я рухнула на кровать и закрыла ладонями лицо. Щёки пылали. Сердце колотилось так, будто я пробежала марафон. Кожа горела в местах его прикосновений. Губы помнили его

дыхание.

— Идиотка, — прошептала я. — Какая же ты идиотка.

Звери внутри согласно завывали, но в их вое слышалось что-то подозрительно похожее на предвкушение.

За окном шумел океан.

Через несколько часов я полечу в Нью-Йорк с человеком, которому не доверяю, но от которого не могу отказаться.

Я закрыла глаза и провалилась в сон — без сновидений, без кошмаров, без ответов.

Только шум прибоя.

Только океан.

Только он.

Где-то на грани сна и яви мне почудилось, что дверь снова приоткрылась. Или это ветер? Или просто игра уставшего воображения?

Я не стала открывать глаза.

Без разницы, если он решил снова влезть в мой номер.

Главное, чтобы в полдень, он не пожалел о своем обещании вести себя сносно.

Потому что я — уже пожалела.

Глава 16

**Любовь — это игра,
в которой двое играют и оба проигрывают.
— Юджин ОНилл**

Сейчас.

Майами. Отель.

9:57 утра.

Ровно в десять кто-то постучал в дверь.

Не влез через балкон, не открыл отмычкой, не воспользовался ключами от всех номеров, а постучал. Как нормальный человек.

Я застыла посреди комнаты с зубной щёткой в одной руке и бюстгальтером в другой. Сердце почему-то ухнуло в пятки, хотя я ждала его прихода. Ждала и боялась одновременно.

— Минуту! — крикнула я, судорожно застёгивая лифчик.

— Не торопись, — донёсся приглушённый голос с той стороны. — Я подожду.

Я выдохнула, натянула лёгкое летнее платье цвета тёмной вишни, мазнула по губам блеском и через полминуты распахнула дверь.

Дарелл стоял в коридоре, прислонившись плечом к ко-

сяку. На нём была чёрная футболка, идеально облегающая торс, и тёмные джинсы. Никакого пиджака, никакого официоза — только он. Опасный. Спокойный. И смертельно красивый.

В руке он держал два стаканчика с кофе.

— Доброе утро, — сказал он, протягивая мне один. — Ты выспалась?

Я взяла кофе, стараясь не касаться его пальцев.

— Выспалась. А ты?

— Я вообще мало сплю. — Он усмехнулся. — Привычка.

Я сделала глоток. Кофе был идеальным — крепкий, горячий, с нотками карамели и несколькими каплями сливок.

Откуда он знает, какой кофе я люблю?

— Спасибо, — буркнула я, отступая в сторону, чтобы впустить его.

Дарелл вошёл, окинул взглядом номер, задержался на скомканных простынях и на мне. Всего на секунду, но этого хватило, чтобы по коже побежали мурашки.

— Сама справлюсь, — сказала я, когда он направился к чемодану.

— Я не сомневаюсь. — Он уже взял ручку. — Просто помогаю.

— Я не люблю, когда мне помогают.

— А я не люблю, когда женщины таскают тяжести в моём присутствии.

Я попыталась выхватить чемодан из его рук, но его тело —

это гора, а его плечи — это горизонт, на котором держится весь наш грешный мир.

Дарелл даже не шелохнулся.

— Чего так распереживалась, принцесса? — смеясь, произнёс он. — Что ты там прячешь, взрывчатку?

— Со взрывчаткой не пустили бы на самолёт, — я подозрительно прищурилась. — Или я чего-то не знаю?

Дарелл рассмеялся гортанным смехом.

— Мы летим частным джетом. Там нет досмотра.

— Привилегия богатых?

— Одна из многих, которыми я пользуюсь.

Он поднял чемодан одной рукой, будто тот ничего не весил.

— Значит, там кирпичи? — усмехнулся он.

— Да так, ничего незаурядного. Книги, оружие, пара туфель.

— Туфли отдельным пунктом, — хмыкнул он. — Ценности ясны.

— А что же, по твоему мнению — *на которое, прошу заметить, мне наплевать* — я должна таскать в сумках?

— По моему мнению, *на которое тебе, безусловно, плевать*, ты вообще не должна ничего таскать сама. Пусть носят другие.

— Я привыкла, всё делать сама. И неплохо справляюсь.

— Справляешься. — Он посмотрел на меня с непонятным выражением. — Но с чемоданом и я справлюсь не хуже.

Я хмыкнула, но спорить не стала.

Во-первых, он уже нёс этот чёртов чемодан, и вырывать его обратно было бы глупо. Во-вторых, признаться честно, мне нравилось смотреть, как этот мужчина тащит мои вещи.

Мы вышли из номера, и я поймала себя на том, что разглядываю его спину. Широкие плечи, уверенная походка, идеальная осанка. Он двигался так, будто весь мир принадлежал ему и, возможно, так оно и было.

В лифте мы стояли молча. Он смотрел прямо перед собой, а я украдкой на его отражение в зеркальных дверях. Заметил ли он?

Конечно заметил. Дарелл замечал всё.

— Наслаждаешься видом? — спросил он не поворачиваясь.

Я закатила глаза.

— Просто проверяю, не вырос ли у тебя горб от тяжести моего чемодана.

— Вырос. Теперь для компенсации придётся носить тебя, чтобы вырос второй.

— Мечтай.

Он усмехнулся, и лифт наконец открылся.

На парковке отеля нас ждал чёрный Nummer. Настоящий монстр на колёсах, с тонированными стёклами и такой хищной мордой, что казалось, он сейчас зарычит и съест кого-нибудь.

— Серьёзная тачка, — прокомментировала я.

— Только лучшее для принцессы, — парировал Дарелл, открывая передо мной дверь.

Я цокнула языком, но села. Салон пах кожей и чем-то неуловимо мужским. Тем самым запахом, который я уже ассоциировала с ним.

Дарелл сел за руль, и мы выехали.

Пальмы и отели Майами проносились за окном с видом дешевой открытки, которую вот-вот выбросят на помойку. Яркое солнце уже начинало припекать. Я смотрела на город, понимая, что вряд ли скоро сюда вернусь.

— Не скучай, — сказал Дарелл, будто читая мои мысли.

— Я вообще-то рада уехать.

— Лгунья.

В точку. Попал не хуже снайпера. Но я была бы не я, если бы не начала упираться рогом

Я повернулась к нему, изображая святое негодование:

— Это ещё почему?

— Ты смотришь на город так, будто прощаешься с ним навсегда.

Я промолчала. Потому что он был абсолютно прав.

Чёрт бы побрал его интуицию.

Мы подъехали к небольшому зданию с вывеской «Signature Aviation». Частный терминал. Никаких очередей, никаких сканеров, никакой толпы. Только тишина и запах денег. Больших денег. Очень больших.

Дарелл припарковался, отдал ключи подошедшему парню в форме, и мы направились к выходу на лётное поле.

— Ничего не забыла? — спросил он, беря мой чемодан.

Разве что своё благоразумие, а так всё при мне. Но вслух я сказала:

— Вроде нет.

Мы вышли на бетонку, и я застыла на мгновение.

Самолёт стоял на полосе, сверкая на солнце. Но не белый, как все привыкли. А абсолютно чёрный. Как смоль. Как ночь. Как его глаза, когда он смотрит на меня в темноте.

— Gulfstream G650, — сказал Дарелл, заметив мой взгляд. — Любимая игрушка Ноа.

— Чёрный, — выдохнула я.

— А ты думала, он будет розовый?

— Я думала, он будет белый. Как все.

— Ноа не любит быть как все.

Это я уже поняла.

Мы поднялись по трапу. Внутри самолёт оказался ещё роскошнее, чем снаружи. Восемь кожаных кресел кремового цвета, полированное дерево, огромный экран на стене.

— О, наши гости! — раздался знакомый голос.

Ноа сидел в одном из кресел, расслабленно откинувшись. На его коленях, как и в прошлый раз, устроилась Шарлотта, будто его колени были единственным свободным местом в самолёте. Что, учитывая количество пустых кресел, было наглой ложью.

— Дарелл, — он приветственно поднял руку. — Кая, дорогая, рад, что ты присоединилась.

— Спасибо, что подбросите, — ответила я, плюхаясь в кресло напротив.

Дарелл сел рядом. *Слишком близко.* Наши подлокотники почти соприкасались.

— А Стефан? — спросила я.

— Остаётся в Майами, — ответил Ноа. — У него тут дела. Семейные. — Он усмехнулся. — Родители вернулись раньше, чем ожидалось. Кто-то, видимо, настучал про дырки в стенах.

Я прыснула.

— И ему влетит?

— Не то слово. Но он уже большой мальчик, выдержит.

Шарлотта хихикнула и что-то шепнула ему на ухо. Ноа улыбнулся и поцеловал её в висок.

Я отвернулась к иллюминатору. Не потому что меня это смущало. Просто чужая нежность всегда вызывала у меня странное чувство — смесь зависти и отвращения.

На столике перед нами стояли фруктовая и сырная нарезки. Подошедшая стюардесса с приклеенной улыбкой открыла шампанское и начала разливать по трём пустым бокалам.

— Леди будет то же, что и я, Джози, — остановил Дарелл стюардессу, когда та намеревалась наполнить бокал возле меня.

Её улыбка оставалась безупречной, но я заметила, как

дёрнулся левый глаз. Профессиональный тик, не иначе.

— Конечно, мистер Грейвс. — пропела она елеиным голосом и отошла к бару.

Джози вернулась через минуту с двумя бокалами, в которых плескался янтарный напиток с парой кубиков льда. Поставила их перед нами и бесшумно исчезла.

Я взяла бокал, вдохнула запах выдержанного виски и вопросительно подняла бровь.

— Откуда ты знаешь, что я ненавижу шампанское?

Дарелл откинулся в кресле, делая глоток.

— Я наблюдательный.

— Это не ответ.

— А ты всегда такая подозрительная? — усмехнулся он.

— С незнакомцами — да. С тобой — особенно.

Он поставил бокал и посмотрел на меня в упор.

— На всех приёмах, где я имел удовольствие тебя видеть, твои бокалы с шампанским всегда оставались полными. Ты делала вид, что пьёшь, но ни разу не сделала глотка. Ни на бале-маскараде, ни на скачках, ни в особняке Логана. — Он пожал плечами. — Не надо быть Шерлоком, чтобы сложить два плюс два.

Я моргнула.

— Ты следил за мной уже тогда?

— Скорее, изучал, — поправил он с лёгкой усмешкой. — Когда человек тебя искренне интересуется, невольно запоминаешь такие мелочи.

Я хмыкнула и сделала глоток. Виски был отличным. Конечно, он знал, какой я люблю виски.

Чёрт бы побрал его наблюдательность.

Шарлотта на коленях у Ноа смотрела на меня круглыми глазами, в которых читался ужас пополам с восторгом. Кажется, я почему-то стала её новым кумиром. Или новым кошмаром. С такими, как я, легко ошибиться.

— Что? — спросила я, заметив её взгляд.

— Ничего, — пискнула она и уткнулась носом в плечо Ноа.

Ноа закатил глаза и чмокнул её в макушку.

— Шарлотта, милая, если хочешь поговорить с Каей — поговори. Она может и царапается, но я смогу тебя защитить.

Дарелл фыркнул.

— Я бы не был так уверен, Ноа.

— Что такое? Эта конфетка оказалась тебе не по зубам? — съехидничал в ответ Ноа.

— Я говорил не о себе. А вот ты можешь поломать свои белоснежные зубки.

Ноа закатил глаза, но промолчал.

Шарлотта подняла на меня взгляд, явно борясь с любопытством и страхом.

— Это правда, что ты... — она замялась, — ...стреляла в того вора?

Я усмехнулась.

— Не стреляла. Я перерезала ему глотку. Стреляли другие.

Глаза Шарлотты стали размером с блюдца.

— Оу, — выдохнула она. — Ещё круче.

Ноа расхохотался.

— Я же говорил, она тебе понравится.

— Ты поэтому сюда приехала? — Шарлотта подалась вперёд, чуть не свалившись с колен Ноа. — Чтобы найти Сильвана?

— Типа того.

— А ты знаешь, кто его похитил?

— Пока нет.

— А будешь их убивать, когда узнаешь?

— С вероятностью девяносто девять процентов.

Шарлотта восхищённо выдохнула и повернулась к Ноа.

— Она потрясающая. Можно мне тоже так?

— Нет, — хором ответили мы с Ноа.

Она надула губки, но спорить не решилась.

— Ладно, — вздохнула она. — Буду просто наблюдать.

— Умное решение, — одобрила я.

Ноа чмокнул её в нос, пересадил на соседнее кресло и поднялся.

— Нам с Дареллом нужно обсудить кое-что. Вы пока побудьте здесь.

— Мы справимся, — ответила я. — Надеюсь, она не захочет потрогать мой кинжал.

— Захочу! — пискнула Шарлотта.

— Не давай, — бросил Ноа, удаляясь в сторону кабины пилотов с Дареллом.

Я осталась наедине с восторженным подростком в теле взрослой женщины.

— Покажешь? — спросила она, глядя на меня щенячьими глазами.

— Нет.

— А расскажешь?

— Что именно?

— Как ты... ну... это делаешь?

Я вздохнула.

— Шарлотта, это не игра. Там кровь, крики, боль и кошмары после.

— А тебе снятся кошмары?

Посмотрела на неё. Такая наивная. Такая живая. Такая неиспорченная.

— Уже нет, — ответила я честно. — Но это не значит, что их не было.

Она задумалась.

— Наверное, это тяжело.

— Наверное.

Мы замолчали. Она смотрела в иллюминатор, а я в свой бокал.

— Знаешь, — сказала она вдруг, — я думаю, Сильвану повезло, что ты появилась в его жизни.

Мои губы изогнула усмешка.

— Посмотрим, что он скажет по этому поводу, когда мы его найдём.

— Найдёте, — уверенно сказала она. — С такими, как ты, не пропадёшь.

Я не нашлась, что ответить.

Самолёт тронулся.

— Взлетаем, — объявила подошедшая стюардесса. — Пристегнитесь, пожалуйста.

Я пристегнулась. Дарелл, вернувшийся в своё кресло, сделал то же самое.

— Боишься? — спросил он тихо.

— Летать? Нет.

— А чего боишься?

Я посмотрела на него. В его глазах плескалось что-то тёмное и глубокое.

— Высоты, — ответила я. — Не самой высоты, а того, что можно с неё упасть.

— Если упадёшь, то я поймаю, — сказал он просто.

И от этих слов у меня внутри что-то ёкнуло.

Самолёт разогнался и взлетел, а Майами остался где-то далеко внизу.

В полёте было спокойно. Ноа с Шарлоттой уединились в хвостовой части, где было что-то вроде мини-дивана. Оттуда периодически доносился приглушённый смех и звуки поцелуев.

— Неугомонные, — прокомментировал Дарелл, кивая в их сторону.

— Молодые, — поправила я.

— Ты с ними одного возраста, кажется.

— Я старше душой.

Он усмехнулся. И внезапно сменил тему:

— Мне любопытно.

Я повернулась к нему.

— Ты о чём?

— Ты так рьяно рвёшься найти Сильве. — Он посмотрел на меня. — Но сколько времени вы знакомы? Месяц? Два? Откуда вдруг такая привязанность?

Я уставилась на него. Вопрос застал меня врасплох.

Мысли пронеслись в голове, стучая меня изнутри по темечку.

Потому, что Сильван ни в чём не виновен.

Потому что, это из-за меня он пострадал. Из-за меня он приехал в «Ла Сьенегу».

Это всё *из-за меня*.

Но сказала я другое, что тоже было правдой:

— Наверное, потому что впервые за всю мою жизнь я встретила кого-то такого цельного, доброго и... честного? Не знаю, как объяснить, — я отвернулась к иллюминатору. Небо было похоже на глаза Сильвана. Серо-голубое, с искрящимся солнцем где-то неподалёку. — Как будто я знала его всю жизнь. Как будто он — недостающая часть какого-то моего

пазла. Словно его свет успокаивал мою тьму. Понимаешь?

Я посмотрела на Дарелла, но он не смотрел на меня. Он изучал свой бокал с виски, но взгляд был отсутствующим. Почему-то мне показалось, что он понял, что я имела в виду.

И вдруг он улыбнулся, той редкой улыбкой, которую я видела всего пару раз.

— Это особая магия Сильве. Озарять своим светом всё вокруг.

Я отвернулась к иллюминатору, чтобы он не видел моих виноватых глаз.

За стеклом было только небо — цвета глаз Сильвана.

И Дарелл рядом.

Почему-то это не пугало.

Почему-то это казалось правильным.

От неподвижного сидения у меня начиналась лёгкая форма плоскожопия, поэтому я встала, чтобы пройтись. Самолёт слегка качнуло на турбулентности, и я, не удержав равнове-

сия, завалилась прямо на Дарелла.

Моя попка приземлилась ему на колени, руки вцепились в его плечи. Я замерла, чувствуя жар его тела даже сквозь ткань.

— Осторожнее, — сказал он, и его голос стал ниже на октаву.

— Турбулентность, — выдохнула я, пытаюсь встать.

Но его руки уже легли на мою талию. Не сжимая, просто касаясь.

— Не торопись, — прошептал он. — Упадёшь.

— Ты же обещал поймать.

— Ловлю.

Мы смотрели друг на друга достаточно долго. Более чем интимно. Я чувствовала его дыхание на своих губах.

— Кая, — сказал он тихо.

— Что?

— Ты очень тяжёлая.

Я возмущённо дёрнулась, и он рассмеялся, помогая мне встать.

— Шучу. Ты лёгкая, как пёрышко.

— Придурок, — буркнула я, но улыбка всё равно растянула губы.

Я сходила в уборную, больше для того, чтобы пошлёпать себя по щекам и облить лицо холодной водой. А когда села обратно в своё кресло, сделала вид, что ничего не произошло. Но внутри всё горело.

Через полчаса я снова встала, но на этот раз специально выбрала момент, когда турбулентности не было. Прошлась до мини-бара, налила себе воды. Возвращаясь, «случайно» задела его плечо.

Он поймал мою руку.

— Ты сегодня очень неуклюжая, — заметил он.

— Просто самолёт маленький.

— Самолёт рассчитан на десять пассажиров.

— Значит, тесный.

Дарелл усмехнулся и отпустил мою руку, но его пальцы задержались на моём запястье на две секунды дольше, чем необходимо.

Я села и отвернулась к иллюминатору.

За стеклом было только небо. Бесконечное, синее, пустое.

Как мои мысли, когда я пыталась не думать о нём.

— Кая, — позвал он тихо.

— М?

— Спасибо, что согласилась.

Я повернулась к нему.

— У меня был выбор?

— Всегда есть выбор.

— Ну да. — Я усмехнулась. — На счёт твоего предложения. Прежде чем я приму решение, я хочу знать, что произошло тогда в «Ла Сьенеге» перед моим появлением. Поделишься?

— Обязательно. — Он посмотрел мне прямо в глаза. —

Сразу после того, как ты согласишься мне помочь.

Я закатила глаза.

— Торгуешься?

— А ты? — парировал он.

Я вздохнула.

— Дай мне подумать до посадки.

— Договорились.

Мы замолчали. Каждый думал о своём.

Впереди был Нью-Йорк.

И куча вопросов без ответов.

Глава 17

Привилегия жизни заключается в том, чтобы стать тем, кем ты являешься на самом деле.
— Карл Юнг

Тогда.

Город Медельин, район Эль-Побладо, Колумбия.

Каталее четырнадцать.

Переходный возраст подкрался незаметно и вдарил мне по голове так, что искры из глаз посыпались. Или же моя истинная натура и бурный нрав просто устали прятаться и вырвались на поверхность, сметая всё на своём пути.

Всем, кто оказывался поблизости, не повезло. Потому что я не стеснялась выплёскивать на них всё, что накипело.

Мне надоело, что все вокруг считают себя умнее или сильнее меня. Мне надоело, что мама оставляет все мои вопросы без ответов. Мне осточертело, что она хочет видеть меня той, кем я никогда не являлась.

— Будь скромнее, ты же девочка.

— Не дерись, ты же юная леди.

— Не ругайся, ты же мамина принцесса.

— Будь умнее, не становись оружием в руках деда.

— Будь хитрее, не слушай сладкие речи Феликса.

Хотя дедушку и дядю я не видела уже больше года — с того самого праздника, после которого мама увезла нас из асьенды.

Наша квартира находилась в Медельине — втором по величине городе Колумбии. Не так далеко от асьенды, как следовало бы, но достаточно, чтобы я перестала быть под прямым влиянием деда и Феликса.

Мама выбрала Медельин не случайно. Здесь дедушка еще не захватил полную власть и у мамы тут были какие-то старые связи, да и город считался более современным и безопасным, чем Богота. Мы сняли небольшую, но уютную квартиру в районе Эль-Побладо — с высокими потолками, балконом, выходящим на зелёные холмы, и соседями, которые понятия не имели, кто мы такие.

Мама устроилась на работу в какую-то благотворительную организацию. Она вставала рано, уходила, когда я ещё спала, и возвращалась затемно, уставшая и молчаливая. Мы виделись по вечерам, но разговоры наши всё чаще превращались в перепалки.

Я скучала по асьенде. По лошадям, по бескрайним полям, по слугам, которые выполняли любые мои прихоти. По дедушке, который никогда не говорил мне «не дерись» и «будь скромнее». По Феликсу... хотя от его взглядов у меня иногда бежали мурашки, но в четырнадцать лет я ещё не умела

правильно их расшифровывать.

В новой школе всё было чужое. Учителя раздражали своей назидательностью, одноклассницы — глупостью, одноклассники — самодовольством.

Я ввязалась в драку уже на второй неделе, когда какая-то девица посмела назвать меня «выскочкой из Боготы». Я разбила ей губу и выдрала клоч волос.

Ещё через неделю я сломала нос пареньку, который пытался высмеять мою внешность — якобы светлые волосы и зелёные глаза не могут принадлежать чистокровной колумбийке, значит, моя мама меня нагуляла и я — гринго.

После этого было ещё несколько случаев.

Маму постоянно вызывали к директору.

— Катаlea, это уже четвёртый выговор за месяц! — кричала она вечером, мечась по кухне. — Ты ведёшь себя как дикарка!

— А кто я, по-твоему? — огрызнулась я. — Все с самого детства твердили мне, что я Динарди. Вот я и веду себя как Динарди!

Мама замерла. Посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты не понимаешь, что значит быть Динарди, — тихо сказала она. — Ты видела только парадную сторону. А есть другая...

— Так покажи мне! — я вскочила. — Расскажи! Хватит держать меня в неведении!

— Нет. — Она покачала головой. — Я надеюсь, что ты никогда с этим не столкнёшься. И пока ты под моей крышей, ты будешь жить по моим правилам.

— Твои правила — дерьмо! — выкрикнула я и выбежала из квартиры, хлопнув дверью так, что штукатурка посыпалась.

Я ночевала у подруги. Вернулась только на следующий день, когда мама обзвонила всех, кого могла. Она больше не кричала. Только смотрела на меня усталыми, покрасневшими глазами.

— Не делай так больше, — попросила она.

Я пожала плечами.

И через месяц сбежала снова.

Его звали Матео.

Он учился в парал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.